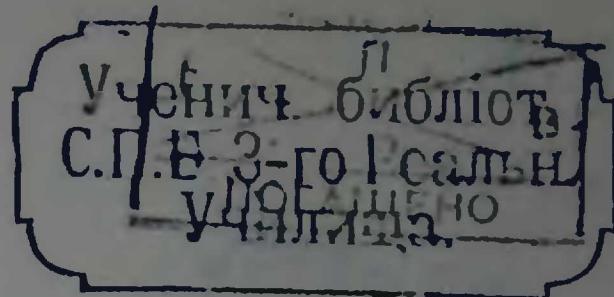

129
3442

129
3442

ЖИЗНЬ НА СЪВЕРЪ И ЮГЪ

(отъ полюса до экватора).

Д-ра А. Брэма.

Дополнение къ его сочинен. «Жизнь животныхъ».

съ 53 рисунками въ текстъ.

— 3 —
Цена 2 рубля.

- 38129 -

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Ф. Павлова.
1891.

Ханты-Мансийская
окружная библиотека

КО

БИБЛИОТЕКА
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ
Стольнинского
инв. № 507
4989

Д-РЪ А. БРЭМЪ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Птицы горы въ Лапландіи	1
Тундра и міръ ея животныхъ	25
Азіатская степь и жизнь ея животныхъ.	45
Лѣсь, дичь и охота въ Сибири	71
Степи внутренней Африки и ихъ животный міръ . .	111
Дѣствениный лѣсь внутренней Африки и его живот- ный міръ.	135
Переселенія млекопитающихъ	162
Любовь и бракъ у птицъ	185
Обезьяны	206
Караваны и путешествія въ пустынѣ	235
Земля и люди между порогами Нила	267
Путешествіе по Сибири.	296
Остяки-язычники.	320
Степные кочевники и ихъ стада	347
Общественная и семейная жизнь киргизовъ	371
Поселенцы и ссыльные въ Сибири	394
Научные поездки по Дунаю.	418

Остяки - язычники.

Легко идти въ настоящее время, и будетъ идти такъ еще исколькъ стаий, борьба за существование, какую приходится выдерживать человѣку въ Сибири; безъ труда она совершается въ богато одаренныхъ природою поляхъ южной части этой страны, но не единокомъ тяжела она и въ тѣхъ странахъ, которыхъ мы привыкли считать ледяными пустынями, негостепріимными, безлюдными мѣстами, и которыхъ кажутся вами такими даже и тогда, когда по необходимости, во время путешествий, мы быстро проѣзжаемъ по нимъ. Правда, на крайнемъ сѣверѣ Западной Сибири человѣка встрѣчаєтъ суровый климатъ; правда, земля, якою мералася даже на небольшой глубинѣ, во въ состояніи привносить тамъ годныхъ для жизни плодоріе, а небо и солнце отказываются доподать до созрѣанія вселенія въ нее хлѣбнаго зерна; но и здесь природа все таки щедро сполетѣтъ изъ своего рога изобилия, и то, чего не даетъ земля, доставляется вода. На пашнѣ взглянуть, человѣкъ обитающей уже южная стольтія въ этихъ широтахъ, не охотно пами посещающихся, можетъ показаться бѣднымъ и жалкимъ; но онъ вовсе не такойъ въ действительности. И онъ удовлетворяетъ сиюмъ потребностямъ, и онъ окружаетъ свое существованіе тѣнициами его наслажденій, потому что родина даетъ ему больше, чѣмъ нужно для его жизни. И онъ болѣе или менѣе сознательно борется за существованіе, достойное человѣка, но не выражаетъ и даже не тантъ въ душѣ никакой зависти къ болѣе счастливымъ людямъ: онъ счастливъ, чѣмъ мы думаемъ, потому что онъ скромнѣе, умѣреннѣе, доволенъ собой, чѣмъ мы, потому что онъ не знаетъ того, что мы называемъ страстью, потому что радости, выидающія изъ его долю, онъ принимаетъ съ удовольствіемъ, а страданія и несчастія, посыпающія его, переносятъ, можетъ-быть чувствуя ихъ глубоко, но также легко забывая ихъ, какъ дѣти. И къ его ложу подкрадывается тяжелая забота, но онъ гонитъ ее отъ себя, какъ только передъ нимъ блеснетъ слабый лучъ радости, и забываетъ обѣ ея посыпаний, какъ только сниклое счастье

онъ улыбается ему. И онъ гордится богатствомъ и жалуется на бѣдность; но когда онъ видитъ, что богатство исчезаетъ, онъ не отчаивается; если бѣдность превращается въ благосостояніе, онъ не теряетъ разсудка. Хотя и вѣросудъ, онъ все-таки ребенокъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ: поэтому онъ счастливѣе насъ.

Остяки, съ которыми мы по преимуществу имѣли сношенія на нижней Оби, такъ какъ встрѣчались съ ними всего чаще, и съ которыми, какъ кажется, ознакомились всего лучше, принадлежать къ финскому племени и различаются съ другой стороны того же племени, съ самодами, одинаковой крованія, а съ другими финами, въѣхавшими смыслъ слова, следовательно, и съ лопарями, приблизительно тѣ же права и обычаи и тѣ же образы жизни: они—оленеводы и рыбаки, охотники и итицелоны, такъ же, какъ самоды и лопари. Помимо своихъ крований, они стоять изъ посѣдѣнія еще ближе, чѣмъ въ первыи; они—общіе поселенцы и сочленяе настухи, между тѣмъ какъ самоды, даже занимались рыбной ловлей, по крайней мѣрѣ въ той части Сибири, которую мы проѣхали, только изъ исключенія изъявили свою первоначальную хижину на посодѣнную бревенчатую избу.

Возможно, что племя остяковъ въ прежнія времена было многочисленнѣе, чѣмъ теперь, по народу, въ нашемъ смыслѣ слова, оно никогда не составляло. Въ некоторыхъ частяхъ населяемой имъ, или по крайней мѣрѣ, проходившой имъ области, число жителей постоянно увеличивается; въ другихъ, напротивъ, слегка увеличивается; но ни увеличеніе, ни уменьшеніе не происходитъ въ значительной степени. Определенное общее число этого племени въ 50.000 человѣкъ, мы плавно единокомъ преувеличиваемъ его численность; во всякомъ обширномъ Обдорскомъ округѣ, простирающемся отъ 65-й параллели єви. шир. до сѣверного конца Самоѣдского полуострова и отъ Урала до верхняго течения Таза, въ настоящее время живутъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, не болѣе 5.382 остяковъ мужскаго пола, между которыми не болѣе 1376 способныхъ къ труду или, что тоже самое, обязанныхъ платить подати. Если допустить, что число женщинъ и двинушкъ достигаетъ той-же цифры, то общее количество ихъ все-таки не дойдетъ до 11.000; это исчисленіе не выше, а скорѣе выше действительнаго, хотя и можно предположить, что жестообитаніе этого племени простирается до Сургута и впередъ по Иртышу до Тобольска.

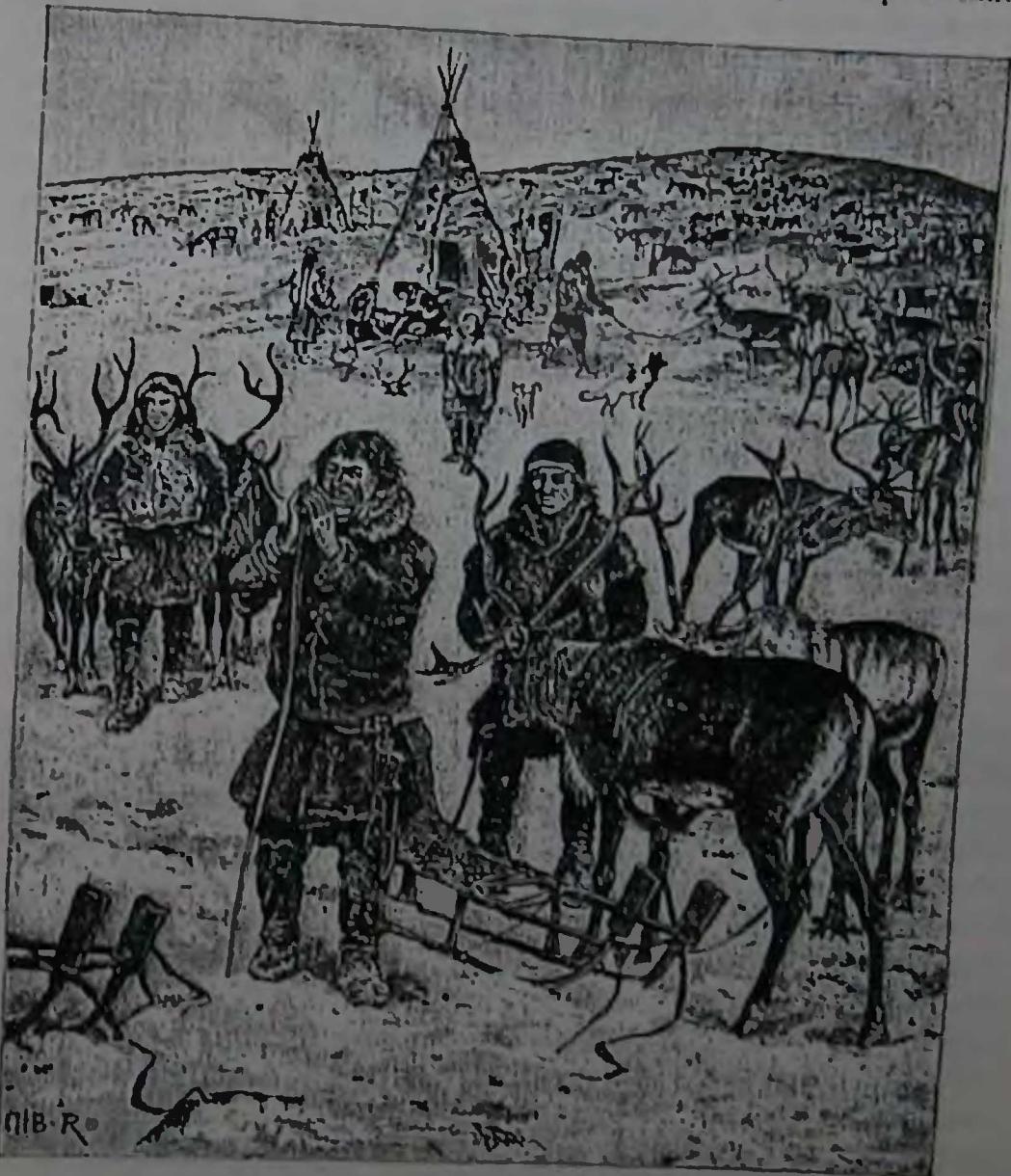
Остяки, обитающие на Иртыши и на верхней, а также и средней Оби, живутъ въ прочныхъ, простыхъ бревенчатыхъ жилищахъ, похожихъ на русскія избы. Только мѣстами, и всегда отдаленно отъ другихъ, между этими жилищами можно встрѣтить дома, выказывающіе большую степень культуры, а также и издѣлия изъ березовой коры, называемые чужами; последніе уже безусловно преобладаютъ на нижней Оби, въ особенности между Обдорскомъ и

учесть рѣки, и съдовательно составляютъ единственный приютъ коневъдѣль. Соответственно различио живиць, если не всегда, то по большей части, остыки, живущие въ деревняхъ, принадлежатъ къ православной церкви или, по крайней мѣрѣ, привыкли къ ней, такъ какъ они крещены. Остыки, живущие въ чумахъ, до сихъ поръ остаются вѣриими своей старинной религіи, не лишеннѣй поэтической возвышенности и въ особенности нравственнаго содержанія; своей вѣры они держатся съ большей искренностью и убѣжденностью, чмъ первые принятаго ими христіанства, не многи отличаются у нихъ отъ идолопоклонства и не могутъ заставить имъ прежней языческой вѣры. Основавшись съ новой вѣрой и съ прочими живицами, остыки, живущие въ области средней Оби и нижнаго Иртыша, не только убываютъ до иѣзгогорой степени свое платье на одежду съсѣдняго русскаго рыбака, но отъ сношений съ нимъ перенимаютъ многіе обычай, теряя въ то же время свои собственные. Отчасти они утрачиваютъ и чистоту своего племени и сохраняютъ только, въ видѣ неотъемлемыхъ признаковъ, языкъ и все связанные съ нимъ особенности и, пожалуй, еще свойственныя этому племени ловкость, проворство и излобливость. Къ сожалѣнию, нельзя согласиться съ утвержденіемъ, будто съ новшествомъ культуры повышается и нравственность; во всякомъ случаѣ, большее удовольствія доставляется знакомство съ остыками-язычниками и сближеніе съ природою сице первобытными, чмъ съ тою частью его, которая кажется тѣмъ того, чмъ они никогда бывали и чмъ съ продолжаетъ быть. Въ мнѣ описаніяхъ я ограничиваюсь чмъ остыками, которые въ настоящее время съ молитвою обращаются къ божеству Оргъ, живутъ въ многочисленнѣй, если позволяютъ имъ средства, и хоронятъ своихъ покойниковъ также же, какъ это дѣжалось въ старину; если я исключительно займусь этими послѣдними, а первыхъ оставлю въ сторонѣ, то мое описание не только ничего не потеряетъ, но даже выиграетъ въ сущности.

Говорить объ остыкомъ племенномъ типѣ весьма трудно; сице трудно описать его. Я несколько разъ пытался это сдѣлать, но всегда долженъ былъ убѣждаться, какъ плохо удастся изобразить лицо славянъ и выражить съ помощью пера видимъ замѣтные для глаза признаки какого либо племени. Люди, въ чертахъ лица, въ окраскѣ кожи, волосъ и глазъ, крайне различны между собой; принадлежность ихъ къ нравственной расѣ, напр., монгольской типъ, вовсе не легко уловить, такъ какъ часто они остаются скрытыми. Когда кажется, что удалось установить определенные средние признаки, пригодные для всѣхъ, то избыточное количество другихъ видимоуловимъ, принадлежащихъ къ тому же племени, показываетъ намъ, что этимъ признакамъ можно привинуть выразить не безусловно, а, въ лучшемъ случаѣ, лишь относи-

тельное значеніе. Пытаясь сбратъ пыткъ и, чтобы видѣть и отмѣтить въ остыкахъ, которыхъ мы наблюдали, я могу сказать только съѣдующее:

Остыки—среднаго роста, пообще довольно стройнаго сложенія; ихъ конечности достаточно соразмѣрны, хотя кисти рукъ скорѣе велики,

Остыки.

глаза малы; носы почти всегда мало развиты; по типу лица они должны быть похожи на между другими монголами и северо-американскими индейцами. Карие глаза ихъ, правда, велики, но поставлены не симметрично косо, хотя косой прорѣзъ всегда замѣтенъ; склады не очень выражены; лицо книзу суживается, оканчиваясь сжатымъ и острымъ подбородкомъ, отчего оно кажется уловатымъ, и такъ какъ при этомъ

така ржаво-окраина, то у многих, особенно у женщин и детей, извращать есть что-то кошачье, хотя носъ вообще мало, а у многих и все не приносятуть. Обычные, прямые, но не жесткие волосы бывают обыкновенно черного или темно-каштанового, ржаво-каштанового цвета или даже блеклурого; борода русая, хотя только некоторые прилички вымазывать ее ради негодействия; брови широки, иногда густы; Цветъ кожи почти не уступаетъ близину цвету европеянца, постоянно подвергающагося влиянию сильнаго воздуха, ветра и непогода; желтоватый оттенокъ кожи, хотя вообще замечательный, никогда не исчезаетъ.

Всѣ склонное выше подходитъ къ большинству остиковъ, но это не значитъ, чтобы, при болѣе тщательности наставлений, никогда не нападали сомиейти въ принадлежности ихъ къ одной и той-же расѣ. Некоторые изъ нихъ, даже при поверхности низости, кажутся настоящими монголами; они малорослы, ихъ каре, живые глаза поставлены косо и съ длинными прорѣзями, склады сильно выступаютъ, жесткие волосы — густого черного цвета, и нѣ, постоянно обнажаемая части тѣла — ржаваго убѣно-красного или желтаго цвета, какъ пыльная кожа.

О языкѣ остиковъ я судить не могу, и могу сказать только, что онъ распадается на два нарѣнія; это легко различается даже и ухомъ мужескимъ; нарѣніе господствующее на средней Оби, весьма благозвучно, хотя и несколько протяжно и ивиуче, тогда какъ употребительное на южной Оби, всегда прилички тамошнихъ остиковъ предпочтительно пользуются болѣе мягкимъ самобѣдствиемъ языкомъ, отличаетъ укорененіемъ темноты, хотя въ немъ все-таки слышится ясное разграничение слоговъ.

Бронзованные остики, какъ мы уже говорили, переняли свой нарѣнъ у русскихъ; женщины ихъ только тѣмъ отличаются отъ жень русскихъ рабаковъ, что украшаютъ свои одежды, на разныхъ местахъ, пестрыми бусами и носить парики, въ видѣ бантовъ, упирающимися и несколько редеть такими же бусами. Современники ихъ, держащіеся изыческой прѣдѣлъ, употребляютъ для своего облаченія исключительно шкуры и кожи зверей; мѣхъ другихъ животныхъ идетъ у нихъ для украшений шубъ изъ свинья оленя, называемаго русскими просто оленемъ. Одежда ихъ состоитъ изъ плотно прилегающей къ тѣлу шубы, доходящей до колѣй, у мужчинъ разрѣзанной только изъ груди, а у женщинъ по всей передней сторонѣ, въ видѣ постѣнья слуховъ, спускающейся кожаными ремешками, изъ прокрѣпляемаго къ ней или привинтаго башмака и привитыхъ-же къ ней рукавицъ, кожаныхъ панталонъ, доходящихъ до колѣй, и кожаныхъ чулокъ, завязываемыхъ выше колѣй. Шуба у женщинъ спереди, вдоль разрѣза, украшена камней, кроющими соединеніемъ изъ различнѣихъ маленькихъ четырехугольныхъ кусоч-

ковъ мѣха съ короткими волосами, выше она всегда обивается широкой оторочкой изъ собачьего мѣха; у мужчинъ шубы, по краинамъ изъ кожаныхъ чулокъ, если они должны служить для пары, состоять изъ многихъ разнорѣбныхъ, со шкурой подобраныхъ волосъ изъ шкуры изъ ногъ свинья оленя и изъ искуственныхъ, отчасти зашнурованныхъ насть головками, отчасти изъухо привитыхъ къ ножъ башмаковъ. Широкий кожаный поясъ, по большей части, уложенъ металлическими пуговками, служащий для привинчивания ножа, стягивающей шубу мужчины; постриг головной платокъ, обвитый длинной баходой, которая поется лбомъ пучето башмака, спускается ниже по шунку женщины. Напы рубашки также неизменна; за то женщина также поется пояса, неизменна у нее. Когда остикъ наряжается, она начиняется изъ пальца руки, столько простыхъ яичекъ, изъ душевъ случаѣ, серебряныхъ кольцъ, сколько нѣкоторые могутъ удержать соплеменія, наконецъ такимъ образомъ эту часть руки въ настоящий панцирь, нанизываетъ себѣ на неё болѣе или менѣе богатое ожерелье изъ и не столько цѣнить изъ уши, сколько цѣнить на нихъ также кистеобразные привески изъ бусъ, проподобныхъ спиралей и деталическихъ пуговицъ и паконы изъ свои волоса конца, скрученные изъ шерсти въ доходящіе до средина ширь. То-же дѣланы и остикѣ идолы, доказывая глаголъ, что нѣгдеально распространено по всему миру; мужчины у нихъ постытъ вообще длинные волосы, но не заплетаютъ ихъ.

Одежда остиковъ, хотя и не можетъ называться настѣлью изъ настѣль смыслъ слова, одинаково приводна и для лѣта, и для зимы. Еще проще, чѣмъ одежда, но также цѣлесообразно живуще остика, чучу — конусоиднай, покрытая бердовой корой, переносная хижина рыбака и кочевого настуха. Остать си образуютъ отъ двадцати до тридцати коническихъ, выструганныхъ, заостренныхъ въверху и выше корой, диаметромъ отъ двухъ до трехъ сажень; изъ нихъ дѣлаютъся изъ верхнемъ конѣ короткой бердой и служатъ подпорами для остикъ, расположенныхъ довольно привычнымъ кругомъ; остать покрываются сваружи щитами, деревянными соответственно округлости конуса и сдѣланными изъ маленькихъ кусочковъ предприметно изваренной и поэтому гибкой бердовой коры; отверстие, служащее дверью, обращено изъ стороны, противоположной плите, и закрывается такжеЩитомъ изъ коры; самая вершина конуса остается непокрытой, чтобы достичь свободный выходъ изъму. Отъ двери изъ прохода извѣданий до противоположной стороны чучу остикаго свободный проходъ, изъ срединъ котораго горятъ огни; въ немъ находятся спиралевидные колы горизонтальныя жерды, къ которымъ подвешиваются котлы. Справа и слева отъ прохода — доски или, по крайней мѣре, привесы

прикрывать землю и служить скамьями для сидения, а также кроватями для постелей, изголовья которыхъ обращены къ ствик. Эти циновки, изготовленные изъ пучковъ осоки, длинношерстная, мягкая шкура въ подушку, набитая оленымъ волосомъ или высушенымъ белогорнымъ мехомъ, составляютъ постели, причемъ одеваютъ служить шубы. Ихъ, подъ которыми лежать почиваетъ вся семья, защищаясь снаружи отъ комаровъ гораздо увлекательнее, чмъ постоянно горящий у входа въ чмъ слабый огонь, поддерживаемый живымъ хворостомъ. Котлы для варики кашаинъ, для чая и для читы, чашки, кожаные чашки для сохраненія муки и мясоиспеченія хлѣба, маленькие запирающіеся ящики для самаго цѣнного имущества, въ особенности чайной посуды, топоръ, буравъ, скребокъ для сажи, швейный ящикикъ въ виде чашки, лукъ, самострѣль и ружье, лыжи въ различная орудія для лѣсной ловли составляютъ всю домашнюю утварь; на томъ же есть, гдѣ въ хижинахъ крепконахъ остикъ всегда находится образъ, здесь стоять дожиной идолъ.

Съ наступлениемъ зимы, для защиты отъ си холода и вьюгъ, чмъ покрываютъ снаружи покровами, сшитыми изъ старыхъ шубъ или, что еще лучше, сторицами покровомъ изъ щитокъ бересовой коры.

Если хозяинъ чума—рабакъ, снаружи передъ чумомъ можно видеть хорошо сѣяніе козы для размноженія скота и для выслушивания рыбъ, необыкновенно легкія, искусной работы дереви, исколько неподражаемо малыхъ щитокъ и другія рыболовныя снасти; если же—охотникъ, тутъ находится всевозможная орудія лова, западни и самострѣль; если же оень—оленеводъ, около чума стоять исколько тщательно сѣяніяхъ саней съ принадлежащими къ нимъ сбруей и изысканной лодкой.

Каждый остикъ знакомъ съ рыболовствомъ, почти каждый изъ нихъ—охотникъ или звероловъ, но не каждому приходится кочевать съ оленями. У кого есть олени, тутъ считается состоятельнѣмъ человѣкомъ, а у кого ихъ много, тутъ сплошь богачемъ; противуположность тѣмъ и другимъ составляетъ остикъ, живущий одною рыбной ловлей. Лопатей и рогатый скотъ, хотя въ самомъ изыскательскомъ, можно найти въ иныхъ остицкихъ поселеніяхъ лишь въ среднемъ течении Оби; овцы и ножалуй коники парѣка встречаются и здесь, но настоящими домашними животными остикъ оставляетъ свершилъ олень и собака. Безъ нихъ, въ особенности безъ оленей, не можно житиочнаго человека, жить нельзя; увлекательно, какъ они доставляютъ ему то, что онъ можетъ наполнить радостью жизни. Но любо тому, какъ белунѣкъ, конекъ настухъ внутренней Африки, считаетъ себѣ выше своихъ гениталий, обработанныхъ имъ, какъ выражъ почти прензительно смотритъ на всякаго, кто спроситъ взглянуть изъ земли то, что онъ можетъ дать,—и вѣдѣмъ оле-

ни, даже оленій настухъ только тогда берется за сѣть и удочку, когда хочеть добыть рыбы для собственной потребности, тогда какъ рыболовъ забрасываетъ сѣть и ставить верти не только для себя, но и для услугъ другимъ. Остикъ оцѣниваетъ состояніе человѣка по числу оленей; оленихъ оень видятъ свое богатство, свое счастье. Поэтому, когда убийственная помощь бѣльи уничтожаетъ его стада, оень теряетъ не только ихъ, не только свое богатство, но и гораздо болѣе—очень и общественное положеніе, сознаніе своего достоинства и уверенность въ себѣ и, можно сказать даже—свою вѣру, свои привыки и обычай, одинъ словомъ, себѣ самого. «Пока ящика не было въ поношую стадахъ», говорилъ чинъ старинна общинъ. Малуру, самой толковой остикъ, кивъ и знать, «мы жили всегда и были богаты, съ тѣхъ поръ, какъ мы потерпѣли олени, мы сѣкались вѣкъ бѣдами рабаками: мы не можемъ теряться безъ оленей, не можемъ жить безъ нихъ! Бѣдные остики!» этими словами можно выразить ожидающую ихъ судьбу. Уже теперь число ихъ оленей, дошедшее прежде до исколькохъ сорокъ тысячъ, уменьшилось до пятидесяти тысячъ и, какъ прежде, такъ и теперь, почти ежегодно убийственная яща спирѣваетъ среди нихъ извѣстнѣстыхъ стадъ. Къ чему же это можетъ привести? Число рабаковъ у русскихъ рыбаковъ будетъ прибѣгаться, а остики будутъ существовать только по имени, и такое время уже не слишкомъ далеко отъ настѣ.

Азиатскій свершилъ олень существенно отличается отъ лапландскаго: оень не только больше и красивѣе, но и более достоинъ названія симпатичнаго животнаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Мы вѣдь думали, что хорошо знакомы съ нимъ, потому что изъ лапландіи рабаками это точно, тщательно, глазомъ естествененаго, но въ Сибири лапаки были сознаться, что до тѣхъ поръ мы некий весьма престрастнѣе оень наиболѣе своеобразиевъ изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ. Тогда, изъ лапландіи, мы знали олена, всегда упрекаютъ, съ южнѣйшими неудовольствиемъ склоняющагося нѣкогда къ человѣческому члену, олена, неудержимо стремящагося къ свободѣ, аскъ, въ Сибири, мы увидели послѣдовательное, уединенное, привязанное къ человѣку и довѣрчиво относящееся къ нему животное. Правда, и остикъ умѣетъ какъ нельзя лучше обходиться съ нимъ. Хотя онъ обращается съ оленемъ не съ той нежностью, съ какой ласкаетъ свою собаку, но по-оному дружелюбно и только въ исключительныхъ случаяхъ жестоко или суроно. Между тѣмъ, какъ лопатарь испытуетъ малокомъ своего оленя, остикъ этого не дѣлаетъ, не зато постоянно употребляетъ оленя для перевозки тяжестей; олень долженъ перевозить его самого, его селью и чуму, се пельми принадлежностями во время кочевокъ съ одного места на другое зимою и летомъ, а лопатарь лащить и волить на санкахъ олень только зимою. Остикъ, также какъ и лопатарь, исколько олени, получаетъ оень всѣмъ, за единственнымъ исключениемъ книшки и

желудка. Мясо служить ему пищей, кости и рога доставляют всецело мозговую утварь, жилы — шнитки для шитья, кожа и мех — самое панье и все, что приготовляется изъ кожаного товара; даже коньги вдругъ ялю. На оленѣ остикъ перекакается, сидя на своихъ легкихъ саниахъ, зимою и летомъ, съ мястомъ на място; на немъ онъ живетъ на смотрине пасхеста, на празднества, на охоту, на погребеніе своихъ друзей; на немъ отвозить онъ своихъ покойниковъ къ мясту послѣдняго успокоенія; онъ убываетъ и сѣдастъ оленя изъ чести своихъ гостей и своихъ умершихъ родственниковъ; въ его мехъ онъ завертывается и лежитъ также, какъ и самого себя. Дѣйствительно, онъ не можетъ быть безъ оленя.

Не менѣе важное значеніе, чмъ его выѣвисто-рогое стадо, имѣсть для него другое домашнее животное — собака. Ее держать, беречь и холить не только кочевой настухъ, но и всякий остикъ — и юрый, и бородичъ, и рыболовъ, и охотникъ. Остяцкая собака принадлежитъ къ двумъ различнымъ породамъ, отличающимся, впрочемъ, другъ отъ друга преимущественно ростомъ. Нашли ли бы этихъ собакъ наши любители красивыми, я сказать не могу; что касается до меня, то я уже потому долженъ назвать ихъ красивыми, что онъ, за единственнымъ исключеніемъ окраски, сохраняютъ еще все признаки нашихъ собакъ. Остяцкая собака всегда походитъ на нашего щенка, но обыкновенно болѣе его, иногда даже такъ велика, что напоминаетъ менѣе волка; и сложеніе ея стройнѣе, чмъ у щенка. Голова у нея выпянутая, морда средней длины, шея короткая, тѣло длинное, члены тонкие, хвостъ средней величины; скрые глаза прорѣзаны косо, короткіе острые уши поставлены прямо, шерсть, необыкновенно густая и длинная, состоять изъ пушистыхъ и изъ тонкихъ волосковъ; цветъ различный, преимущественно чисто бѣлый или бѣлый съ чернами, правильно размѣщеными отметинами по обѣимъ сторонамъ головы, включая и уши, на спинѣ и на бокахъ, но бываетъ и волчий, и бѣльно-серый съ струнствіемъ или волнствіемъ рисункомъ, только не полосатымъ. Слегка пушистый хвостъ всегда находится въ приступѣ или выпрямленѣи положеній, но никогда не бываетъ закрученъ, что еще болѣе увеличиваетъ ся сходство съ дикой собакой.

Востояніе и тѣсное общеніе съ человѣкомъ сдѣлало изъ остяцкой собаки крайне добродушное животное. Онаbrigдательна, но не злобна, сильна, но не задорна, избѣга и усердна, но не праждебна къ чужимъ и не суетливата съ недобрѣємъ, хотя въ бѣзъ праждебности, встрѣчаешь она чужого человѣка и приближается къ нему уже съ полнымъ довѣриемъ, когда слышитъ, что онъ разговариваетъ съ ея хозяиномъ, или видитъ, что онъ входитъ въ чуму. Всесо не избалованная, хотя и охотно занимавшая място изъ чумы имѣеть со своимъ хозяиномъ и хозяйкой, онъ не выказывалъ никакого неувольнѣнія, оставаясь снаружи на вѣтру

или въ пеношту, не задумываясь, бросается въ холодную воду рѣки и переплы whole по прямой линіи черезъ широкіе рукава ея, или бѣжитъ, бѣзъ всякихъ жалобъ, при проѣздѣ черезъ тундру, позади саней, къ которымъ привязана, хотя бы дорога лежала черезъ болота или топи, по мелкому березянику или по подѣ. Умная и смѣтливая, находчивая и изобрѣтательная, ловкая и проворная, она умѣеть удобно устроить свою жизнь и выйти изъ всякихъ затруднений. Въ чумѣ она самобѣреженно лежитъ около кушины, котораго ей страшно хочется; въ хижинѣ своего хозяина она становится прожорливая и драконъ воромъ, иль малорослому березянику тундры она равнодушно бѣжитъ за саними; на гладкомъ болотѣ и на другой удобной дорогѣ она становится на полозья саней и заставляетъ себя вѣсти; на охотѣ она сопровождаетъ хозяина, какъ избранный и полезный помощникъ; у чужого человѣка она выхватываетъ высаженную или убитую имъ дичь передъ самими глазами и поспѣшило покирастъ ее съ такимъ добродушіемъ, удовольствиемъ, что даже нельзя сердиться на плутовку; сестра при оленѣмъ стадѣ, она показываетъ знаніе всѣхъ особенностей и дурныхъ свойствъ оленей и большую услугливость; но на нее никогда нельзя положиться, какъ на нашу ончарку; она поступаетъ по своему разумѣнію и оказывается услуги бѣть сопротивленіемъ лишь тогда, когда ей это кажется необходимымъ.

Собака служитъ для остика товарищемъ вгрѣ, сторожемъ чума, охранителемъ стадъ, живой силой для перевозки тяжестей и даже приносить ему пользу посль смерти. Въ саняхъ запрягаются ее только зимою, но надѣваются на нее такую неудобную сбрую, что она, отъ напряженной работы, уже черезъ небольшое число лѣтъ, становится слабой на ноги и хромой. Посль смерти она должна уступить хозяину свой пре-послѣдний мячъ; многіе остики очищаютъ для того и держать такое иссодѣбное болѣеое количество собакъ, чтобы зимой, по всякое время, имѣть возможность распоряжаться имъ мячомъ.

Для той же или для подобной цѣли служить и различная, изъятая изъ гибель амеконигація и итица, иль особенности лисицы, медведя, совы, ворона, журавля, лебеди и проч., которыхъ можно видѣть привыкшими къ чумѣ или передъ чумомъ рыболова и кочевого настуха. Пока эти животные молоды, съ ними обращаются ласково и заботливо ухаживаютъ за ними; но какъ только они вырастутъ, и перья или мехъ ихъ станутъ вполнѣ хороши, ихъ обрекаютъ на смерть; тѣльца ихъ, которая съѣдомы, употребляютъ въ пищу и кроме того показываютъ имъ мячомъ и перьями, иногда продавая первый по чрезвычайно высокимъ цѣнамъ.

Здѣсь собака, какъ и повсюду, подчиняется волѣ человѣка, но человѣкъ долженъ подчиняться потребностямъ оленя. Эти потребности, и не воли и прихоть настуха, опредѣляютъ кочевую жизнь бродячаго

оленевода, также, какъ появление и исчезновеніе рѣбы оказываетъ существенное влияніе на образъ жизни его оленеводаго соотечественника. Странствія оленеводовъ и ихъ стадъ управляются почти тѣми же принципами и совершаются по сходному направлению, какъ и странствованія кирзовъ, отличаясь отъ послѣднихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что они не прерываются зимою, и даже увеличиваются въ это время, спасаясь болѣе нестаконными и замѣнчивыми. Съ началомъ таянія сибиря, охотникъ оленеводъ медленно подвигается къ горамъ; съ началомъ нападенія комаровъ, онъ поднимается на горы или, по крайней мѣрѣ, на вершины высокихъ холмовъ; съ прекращеніемъ этой язвы, которая не имѣла本事и даже въ открытыя высоты, онъ постепенно сокращается въ измѣненную тундру, чтобы пронести здѣсь зиму, по возможности, вблизи родной рѣки. Такъ круговоротъ, который онъ совершаѣтъ изъ года въ годь, если только его не постигнетъ бѣда, если его не постигнетъ ужасная моровая язва.

Еще прежде, чѣмъ короткое лѣто вступитъ въ его негостепримную родину, прежде, чѣмъ пронесется первое пѣніе песни, въ такое время, когда крѣпкий ледяной покровъ еще неподвижно лежитъ на мучной рѣкѣ, на ея притокахъ и на всѣхъ бесчисленныхъ оврахъ тундры, скверные олени приносятъ своимъ тѣламъ тогда важнѣе, чѣмъ когданибудь, паче мѣсто, которое служило бы удобнымъ настѣнцемъ для старыхъ, и для молодыхъ животныхъ. Съ этого цѣлью паникъ оленеводъ направляется не къ измѣненнымъ долинамъ, а напротивъ, къ высотамъ, гребни которыхъ зростая зимняя юга иѣсколько обнажили отъ сибири, и здѣсь, на подходившемъ мѣстѣ, разбиваетъ свой чумъ. Дни, даже недѣли, остаются онъ здѣсь, пока обнажившийся олений мозгъ поискуетъ кругомъ не будетъ сѣкундъ, и пока широкое коныто оленя, расчищая сибирь, чтобы добраться до покрытаго снѣгомъ настѣнца, не откажется служить ему. Тогда оленеводъ сняться съ мѣста и перейти куданибудь неподалеку, где можно найти такія же удобства. И новое мѣсто онъ оставляетъ не ранѣе, чѣмъ замѣтить вновь оскудѣніе настѣнца. Это время онъ еще можетъ называть хороніемъ. Стада насутятъ изъто сокнувшими группами; между оленями, рога которыхъ тепло-что начинаютъ пробиваться, царствуетъ глубокий моръ телита остается на глазахъ забытыхъ старыхъ животныхъ, стало не успѣть ни разбрестись, ни отойти да-ко отъ чума, когда уже разрастется пропастъ, собирающей ихъ передъ солнечнымъ закатомъ. Правда, постепенно синуть подвращается жаждый волкъ, котораго зима согнала съ горъ въ измѣненную тундру; но сильные собаки зорко стерегутъ и не подпускаютъ трусиваго хищника; иного оленевода родинѣ забоять также мало, какъ и зима, которую онъ здѣсь и вѣкъ партия крайнаго сквера, считаетъ лучшимъ временемъ года. Всюдѣль короткіе дни удлиняются, а ночи укорачиваются, и имъ

стѣть тѣмъ уменьшается опасность для беззащитныхъ животныхъ стада. Рѣка сбрасываетъ свой зимний покровъ, имѣть съ полами ся, нагрѣтыми изъ южныхъ стенахъ, по страдѣ иссутся теплые вѣтры; одна гряда холмовъ за другой освобождается отъ сибири, и здѣсь, какъ и въ долинѣ, где шинно разбухаютъ молодая почка — настрадавшая за зиму животная находить богатыя настѣнцы; измѣненная тундра становится расмѣ въ глазахъ нашего оленевода. Но привольная жизнь его самого и его стада продолжается лишь короткое время. Быстро появляющееся солнце, грѣющее все дальше и все спѣше, расстилаетъ сѣть даже въ самыхъ плоскихъ равнинахъ и лѣдъ изъ широкихъ оврахъ, замерзшій земли оттаяетъ, и имѣть съ первыми беспредѣльными дѣтами песни возвращаются къ жизни миллиарда мучительныхъ комаровъ и насѣнныхъ оводовъ, личинки которыхъ сине за иѣсколько недѣль передъ тѣмъ, посыпали въ подѣи оленей, заставляя ихъ чихать. Теперь начинается настоящее странствованіе; теперь оленеводъ, правда, короткими дневными переходами, во все-таки быстро подвигается къ горамъ.

Едва почная роса обсохнетъ на мѣхѣ и лапайникѣ, на травѣ и на молодыхъ листочкахъ никакорослыхъ кустарниковъ, жаждущія складывать чумъ, поставленный только наканунѣ, и нагружаютъ сани, поклажа которыхъ была разобрана не давнѣ, какъ вчера. Тѣмъ временемъ хозяинъ стада подѣжась на легкихъ санихъ, запряженныхъ четырьмя сильными оленями, къ стаду, которое ищется въ разсыпную или, пахнущую, лежать группами; они собираютъ животныхъ и гонятъ ихъ къ мѣсту ночлега, где члены его семьи готовы уже ихъ встрѣтить. Дорожка изъ рукахъ тонкую переноску, черезъ которую олени линь изѣдка откашиваются персирыгнуты, они составляютъ кругъ около стада; хозяинъ съ путами изъ правой рукѣ становится посреди животныхъ, почти бѣль промаха набрасывается арканъ на заѣданныхъ оленей, захватывая ихъ за шею или за рога, прижимаетъ ихъ и запрягаетъ, отдать приказаніе освободить другихъ, опять падаетъ изъ сани и отправляется по назначеному пути. Вропѣ сады, управляемые членами его семьи, склоняютъ длинной вереницей скованное тело стада приходить къ движенью, мыча, ворча и засторгами землю хрустѣть подъ ногами; наконецъ въ сбояхъ начинаютъ прыгать около поkaza, беспорядочно лая и не давая разбрѣдаться склонившимъ къ этому животнымъ, хотя всѣ таки не могутъ помѣшать иѣкоторымъ оленямъ уклониться въ сторону и отойти отъ стада. Все болѣе и болѣе вытягивается стадо; всѣ холмы животинено укрываютъ имъ; задерживаемое особенно приселательнымъ настѣнцемъ, тамъ и сямъ оно останавливается группами. Преслѣдуемая телятами, взрослыми животными исподиютъ срон материнскій обязанности и, желая достичь удовольствіе наѣдившимся въ ложнѣмъ теломъ, также

лежатся около нихъ, пока орлиный взглядъ хозяина не замѣтить безпорядка; тогда онъ самъ повернется въ сторону, обѣздѣть широкимъ кругомъ отставшихъ и могучей силой своего голоса, съ помощью собакъ, подгонить ихъ къ опредѣвшиимъ, быстро бѣгущимъ товарищамъ. Одни охоть издаютъ звуки, похожіе на хрюканье, собаки громко лаютъ, и онъ катится волной собравшееся стадо; настоящий лось рогами несетъ впередъ, и что-то похожее на наслажденіе кочевника шевелится въ сердцѣ чужеземного зрителя.

Солнце склоняется къ закату; упряжный животный охань и стонутъ, далеко высорыкая языки; наступаетъ время дать имъ отдыхъ. Некоторѣкъ, около одного изъ бесчисленныхъ взерь, поднимается илоскій холмъ; къ нему поворачивается хозяинъ; на вершинѣ его останавливается онъ свою рогатую упряжку. Одни сани за другими прибываютъ туда-же; появляется и свободное стадо, и тотчасъ-же отирается на пастбище; за нимъ слѣдуютъ и расиряженная животныя.

Женщины выбираютъ подходящее мѣсто для постановки чума, разставляютъ жерди кругомъ и покрываютъ ихъ корой; между тѣмъ хозяинъ идетъ со своимъ арканомъ къ стаду, охватывая глазами пыбираетъ молодого, жирного оленя и набрасываетъ ему путы на рога и шею. Напрасно олень пытается возвратить себѣ свободу; ближе и ближе подходитъ къ нему охотникъ, и онъ безъ сопротивленія скѣдуетъ за нимъ до самого чума, который уже успѣлъ поставить. Панесенный сюда ударъ топоромъ по головѣ повергаетъ жертву на землю; угорь ножомъ въ сердце прекращаетъ ея жизнь. Черезъ двѣ минуты, животное уже обнажено отъ шкуры, вскрыто и искусно вынутрошено; еще одна минута — и весь, быстро собравшися, члены семьи уже обмакиваютъ печень, разрѣзанную на ломти, въ кровь, наполнившую грудную полость, и начинается «кровавая трапеза». Сидя на корточкахъ кругомъ еще теплого оленя, каждый изъ присущихъ срѣмываетъ мясо съ реберъ или со спины и съ бедра; губы у всѣхъ красны, точно намазанные плохими румянами; капли крови временами стекаютъ на подбородокъ и на грудь; руки также окрашиваются въ кровью, которой они вымазана, начкаются носъ и щеки; удивленный чужеземецъ новою видѣть передъ собой окровавленный лицъ. Грудной ребородъ отрывается отъ груди матери, чтобы въ свою очередь принять участіе въ пирѣ и издать звуки радости, когда заботливая мать разбиваетъ кость и даетъ ему сосать молоко послѣ того, какъ онъ уже уснулъ, хотя съ трудомъ, проглотить кусочекъ печени и испачкать кровью себѣ лицо, руки и все, до чего могъ дотронуться. Собаки сидятъ кругомъ позади присущихъ и хватаютъ обглоданные кости, которая имъ бросаютъ. Пасынки одинъ за другимъ отстаютъ отъ бабы, вытираютъ окровавленную руки о мохъ, вычищаютъ тѣхъ же способомъ ножи и латыни отправляются въ чумъ, чтобы тамъ

съ удобствомъ отдохнуть. Между тѣмъ хозяйка наполняетъ котель водой, вкладываетъ въ него мясо на половину съѣденаго животнаго, сколько его можетъ помѣститься туда, и разводитъ огонь для приготовленія ужина.

Въ это время хозяинъ уже снялъ свою верхнюю одежду и, осмо-

Въ чумѣ.

тривъ ее было, но не безъ результата, приблизился къ огню такъ, чтобы пламя костра могло волнико согрѣвать его обнаженную верхнюю часть тѣла. Онъ испытываетъ величайшее удовольствіе и думаетъ о новомъ наслажденіи. Какой-то удивительный чудакъ, направляющійъ его сообщество въ горы, быть можетъ, членъ Бременской естественно-научной экспедиціи въ Западную Сибирь, дать ему не только

табаку, по правде сказать, ужасной травы, хотя и очень крепкой, но и большой листь бумаги, ценный номеръ «Kölnische Zeitung». Отъ этого листа осторожно отрывать четырехугольный кусокъ, свертывать его въ маленьку острую трубочку, наполнять ее табакомъ, сгибать по срединѣ,— и трубка готова; черезъ минуту она уже отлично курится и пахнетъ такъ превосходно, что хозяйка расширяется позоръ и требуетъ для себя того-же удовольствія. Ея желаніе тотчасъ же исполняется, трубка обходиться всхъ, и каждый членъ семьи раздѣляеть наслажденіе.

Вода въ котѣ уже начинаетъ кипѣть; ужинъ готовъ, и нѣкогда протягивать руки ко вкусу приготовленной трапезы. Тогда хозяинъ выходитъ изъ чумы, становится передъ дверью, испускаетъ протяжными звуками далеко разносійся призывъ, которымъ на пыльный день въ послѣдний разъ собирается безножейко стадо, и, успокоенный, возвращается въ чуму. Его жена разставляетъ полотъ и занѣтъ еще подсушиваниемъ нижнаго края его подъ одѣло. Мужъ, ожидающий, пока будетъ готова постель, наполняетъ время, нужное для этой работы, темъ, что подхватываетъ одну изъ собакъ и пахаетъ ее, какъ маленькаго ребенка, на что собака, съ своей стороны, отвѣщаетъ выраженіемъ удовольствія, сознавая, что на сѣ долю выпала большая часть. Затѣмъ мужъ, полуобнаженный, заѣзжаетъ подъ полотъ, пятнадцатилѣтій сынъ сѣдуетъ его примѣру, его маленькая, почти тридцатилѣтняя жена дѣлаетъ тоже самое; заболѣвшая мать кладетъ въ безопасное убѣжище и маленькихъ дѣтей, и томъ числѣ еще находящагося въ колыбели ребенка, подкладываетъ хворосту въ костеръ, тяжелый у входа въ чуму, запираетъ дверь, и присоединяется къ остальнымъ членамъ семьи. Черезъ несколько минутъ, громкое хранилье разыгрывается, что все заснули спомъ приведныхъ.

На сѣдующее утро начинается та-же дневная сутка, и все идетъ также, пока на горныхъ высотахъ не стануть возможны болѣе продолжительный отдыхъ и пребываніе на одномъ и томъ же мѣстѣ. Сильнѣйшій вынуждающей на высотахъ, уже въ августѣ напоминающей о возвращеніи, и онятъ начиняется, теперь болѣе медленное и удобное, стравливаніе хозяина и его стада вънизину.

Съ испытаніемъ льда начинается и дѣятельность рыболова на рекѣ. Многіе остатки рыболовы работаютъ на жалованіи или сообща съ русскими; другіе продаютъ ямъ только часть избытка своего улова и рыбачатъ собственными средствами. Непосредственно послѣ ледохода, разбрасываютъ они чумы около рыбачныхъ хижинъ русскихъ промышленниковъ или поселяются въ своихъ, расположенныхъ у самой реки, лѣтнихъ хижинкахъ — самыхъ простыхъ бревенчатыхъ постройкахъ. Гамъ, тѣкъ притокъ выходитъ въ реку, переграживаютъ его загородкой, стоящіей только одно отверстіе, при болѣе низкомъ уровне воды, ста-

вить верши и разставляютъ удочки; кроме того, ловить еще стѣны и неводами.

Оживленная дѣятельность царитъ на всѣхъ рыболовныхъ участкахъ. Надъ отгорѣвшими изгороди, сидѣть на колеблющихъ жердяхъ, погреѣти, большие мальчики, сѣть мужчины, и пристально взглядываютъ на мутные волны, находящіяся подъ ими, чтобы разсмотрѣть — поймали ли рыба въ сѣть, которую они держать и которая запираетъ проходъ, отъ времени до времени поднимаютъ ее съ пойманной добычей и выкидываютъ послѣднюю въ маленькие чашки. Мужчины лежать на несанной отмели сообща обыкновенной сѣть или на мелкихъ участкахъ рѣки неводомъ съ грудомъ. Но есть полудня или къ вечеру рыбаки покидаютъ домой и одѣваются каждый домъ въ пойманной добычи. На сѣдующее утро начинается дѣятельность женщины. Но одионочка, или группами сидѣть отъ на корточкахъ около большихъ кучъ рыбы, приемъ каждой вооружена лѣской и острымъ ножомъ; отъ чистить рыбу, потрошить, дѣлать ее на части, нарезываться на длинные, тонкіе колы, которые затѣмъ разбрасываются на колы для высушивания. Длинкія и скрюченія движений ножка вскрываютъ брюшную полость рыбъ и отдѣляютъ ея боковая мышцы отъ позвоночника; искользуя движений рукъ отрываютъ печень и другія внутренности отъ головы и реберъ и более цѣнныхъ боковыхъ частей тѣла. Одна печень за другую склоняясь по чмокающимъ губамъ женщина еще ничего не вѣдѣтъ, и въ видѣ зигзага, полагаются лакомыми кусками. Если же желудокъ еще не успокоился, одна изъ рыбъ очищается, потрошится и разрѣзывается на длинные полосы; одинъ конецъ такой полосы, обмоченный въ вытекающую кровь, сѣдоватѣльно, отчасти проприровленный, захватывается ртомъ, и отъ него сперу, у самого носа, отрѣзывается одинъ за другимъ куски, могутъ поглощаться по рту. Дѣти, находящіеся около работающихъ матерей, получаютъ, смотря по возрасту, нечески или полоски мяса; четырехъ-пяти, при отрѣзываніи кусковъ, почти также ловко управляются съ ножомъ, какъ и большие, которые поступаютъ такъ-же, когда брать разрѣзанное полосками оленинъ мясо. Вокругъ лица матерей и дѣтей уже блеститъ отъ рыбьей крови и неческого жира, а руки — отъ приставшей къ имъ рыбьей чешуи. Когда же рыбы вычищены, разрѣзаны и вымѣшены для просушки, тогда и собаки, жадно, но не настойчиво смотрѣющія на женщинъ, получаютъ свою часть; именно, рыбы чешуя и внутренности выбрасываются на кучку травы, и теперь черная морды съ жадностью роются въ такой кучѣ.

Утренняя работа кончилась и наступаетъ короткаго отдыха. Матери берутъ дѣтей на колыши, груди имъ дѣлать грудь и приступающіе къ занятію, безусловно необходимому не только для маленькихъ, но и для другихъ самихъ — къ охотѣ за паразитами. Однѣ ребенокъ за дру-

тить влагать голову на колени матери, а подъ конец она сама кладет свою на колени старшей дочери или приятельницы, разсчитывая на взаимную услугу; добыча такой охоты всегда оказывается обильной. Если пойманная дичь и не поедается, то во всякомъ случаѣ кладется между губъ и умерщвляется зубами. Для естествоиспытателя, наблюдавшаго обезьяньи, въ этомъ есть ничего нового, а для того, кто изъ ученикъ Дарвина видеть болѣе, чѣмъ простую гипотезу, этимъ доказывается, что «сатанинъ», возврашеніе къ привычкамъ предковъ, не можетъ быть отрицаемъ.

Солнце начинаетъ склоняться къ западу; съ понымъ богатымъ уловомъ приѣжаютъ мужчины, юноши и мальчики; они уже достаточно наѣлись сырой рыбы, и желудокъ ихъ просить теперь теплого кушанья. Большой даммажится котелъ съ вареной рыбой изъ породы лососей становится передъ ними; хлѣбъ, пропитанный рыбными жиромъ, составляется приправу; налитый холодной водой, долгое время кипѣвший кирпичный чай заключаетъ трапезу. Когда потребность Ѣды и питья удовлетворена, духъ требуетъ для себя пищи; тогда находить себѣ хороший пресъ артистъ, приносящий съ собой самодѣльную арфу или цитру, чтобы подыгрывать на ней какой нибудь своеобразной, исподдающейся онисанію ивѣсѣ или искамъ женщины, состоящимъ изъ странныхъ движений; пляшущія то поднимаются, то опускаются, закидываютъ одну около другой вытянутыя руки и опять прижимаютъ ихъ къ тѣлу. Это веселье продолжается, пока не будетъ готовъ пологъ отъ комаровъ; тогда старый и малый скрываются за его складками.

Лѣто прошло; за короткой осеню сѣдусть зима. Съ пролетомъ итина начинается новая дѣятельность; съ зимой наступаетъ новая, или лучше сказать, полная, настоящая жизнь остиковъ. Для отлетающихъ лѣтнихъ гостей становится предательская сѣть; въ искусственно сѣзанныхъ прогалинахъ густого берегового пника, на изиѣстныхъ нуткахъ пролета между двумя болѣе значительными волнистыми поверхностями, протягивается большая подвижная сѣть, изъ которой попадаютъ не только утки; но и гуси, лебеди и журавли. Они составляютъ желасяную добрую, такъ какъ, кроме пуха и перьевъ, доставляютъ мясо, служащее существомъ иницѣ не однихъ остиковъ, а и всѣхъ обитателей рѣчной долины. Одновременно съ итицеловомъ выходить на охоту и конечной пастухъ; онъ ставитъ въ тундрѣ свои камакы на красныхъ и блѣдныхъ линица; въ лѣсу, вѣвестъ съ всѣдными сплеменниками, ставить оғь такія же ловушки, западни и самодѣйствующіе луки на полковъ и линицу, соболей и горностаевъ, росомахъ и бѣлокъ. Если уже выпадъ сиѣгъ, опытный охотникъ прикрываетъ къ ногамъ лыжи, сѣтки отъ сиѣгу—передъ глазами, и отправляется съ расторопными собаками въ лѣсъ, въ тундрѣ, чтобы разыскать медведя въ берлогѣ, пасынчить рись и погнать лося и дикаго сѣверного оленя, которыхъ

сѣть теперь еще не держитъ, хотя уже драчть охотника. Оғь пытается не лгать, никогда не клялся лживо медвѣжьими зубами, не дѣлать ничего несправедливаго, и потому медведь безжалостно перельвимъ, а лось и олень недостаточно быстры на бѣгу, чтобы уйти отъ него. Всесло возвращается оғь въ деревню, въ чужъ съ убитымъ медвѣдемъ, соски и друзья радостно обступаютъ его, а оғь самъ, изобужденный общимъ весельемъ, тихонько скрывается, перерождается и маскируется, чтобы начать медвѣжий танецъ, состоящий въ странахъ тѣлодвиженіяхъ его жизни.

Вокругъ икуры появляются изъ избѣтій въ хлѣбъ рыболова и еще болѣе въ чужѣ олененода, где хранятся икуры всѣхъ оленей, убитыхъ имъ въеченіи года. Теперь нужно сбивать ихъ. Балаганъ и долинѣ спариваются на ярмарку, которая скроется, во второй половинѣ лѣтия, бываетъ въ Обдорскѣ, постѣнѣ русскомъ посланіи, самому важному торговому мѣстечку изъ нижней Оби, и посѣщаются мѣстными жителями и прѣѣзжими. Въ это время русские правительственные чиновники собираются подать съ остиковъ и самобоярь, удачиваютъ исогласія между ними и разбираются ихъ тѣлѣ; русскіе купцы выискиваютъ покушниковъ и провинецъ, причемъ менѣе добросовѣстные, съ помысломъ изгнанія изъ тѣлѣ, вырѣзъ, ловятъ легкомысленныхъ людей, настѣхъ на волку. Въ то же время, между остиками и самобоярами происходитъ всякаго рода соглашенія, устраиваются свадьбы, совершаются примиренія враговъ, завязываются дружескія отношенія, съ русскими заключаются договоры, устанавливаются старые залоги и тѣкатъ новые. Запряженные оленями сани прибываютъ со всѣхъ сторонъ линиями деревенцами; кругомъ торгового мѣстечка царствуетъ одинъ чужъ за другимъ, и каждый окружень тяжело нагруженіемъ санями съ предназначенніемъ къ продажѣ годовой добѣтой. Каждое утро ходитъ чума, со спасѣй любимой женой, въ полночь пароѣ отправляется къ ярмарочнымъ лавкамъ продавать мяка и закупать товары. Всѣ торгуются, приставливаются, пытаются обмануть; действующий еще и въ настоящее время Меркурій показываетъ свою власть не только, какъ богъ торговцевъ, но и какъ богъ воронъ. Водка, промѣнъ и продажа которой хотя и строго запрещены правительствомъ, но которую можно найти въ каждомъ купца, и въ каждомъ домѣ въ Обдорскѣ, туманитъ сознаніе остиковъ и самобоярь, лишаетъ разума и заставляетъ ихъ терять болѣе, чѣмъ ужасная моровая яза, отнимающая у нихъ оленей. Водка пробуждаетъ все страсти въ остикѣ, и въ другое время безстрастномъ, добродушномъ и нелюбивомъ, и превращаетъ миролюбиваго, дружелюбнаго ко всѣмъ, честнаго малаго въ логаго, борзые-лениаго авѣра. Водкиаждаетъ мужчину, ся же каждаетъ и женщину: отецъ настолько любить водку въ горло сѧту, мать—дочери, когда тѣ

отказывается отъ туберкульного яда. Иль-за водки остыть бросаеть кровинка, пріобрѣтенный съ величайшимъ трудомъ, все свое имущество, изъ за цей оиль становится рабомъ или слугою, ради цей прощаеть душу, отрекается отъ вѣры своихъ отцовъ. Водка составляеть необходимое условие для заключенія всякой сѣлки; съ ся помощью, бесповѣдный купецъ получаетъ всѣ мѣха отъ остика чутъ не даромъ. Освободившись отъ послѣднихъ, съ пустымъ кошелькомъ и пустой головой, оставъ, прѣхавший въ Обдорекъ съ гордыми надеждами, возвращается въ свой чумъ инцимъ. Оиль раскаивается въ своей глупости, къ своей слабости, принимаетъ самыи лучшіи наимѣнія, успокаиваетъ себѧ, стараясь думать только о томъ, какъ хорошо оиль провести время съ соціеменниками. Сперва оиль вышаетъ съ ними, затѣмъ мужчины и женщины цѣлахаются, посль того мужья били своихъ женъ и наконецъ всѣ пробовали другъ съ другомъ силу, причемъ также, съ сверкающими глазами, вытачивали острые ножи и грозили одинъ другому смертью. Но не прошлое ни одной капли крови; всѣ оиять примирились, и женщины, оглушенныя ударами и поджогомъ, кротко поднялись съ полу, а другія добрыя женщины обмыли ихъ; чтобы отпраздновать примиреніе, была заключена важная сѣлка, дочери быть найдены женихъ, сыну выбрана маленькая невѣста; даже одну вдову выдали замужъ, и поэтому слухо оиять вышли; одинъ словомъ, всѣ отлично пошесались. Правда, испрѣятно, даже очень испрѣятно, что русскій начальникъ всѣхъ, паниниихъ до безчувствія, приказывалъ сажать подъ замокъ, и что всѣ деньги, до послѣдней копейки кудато исчезли; однако всѣ оиять были вышущены и свыклись съ потерей денегъ; только пріятное воспоминаніе, которымъ можно наполнить цѣлый годъ, и обрученіе, одинаково почетное для обѣихъ сторонъ, осталось въ видѣ несомнѣнной прибыли отъ веселыхъ праздниковъ.

Женихъ и невѣста также были на ярмаркѣ; они смѣло ишли имѣть сколько могли, познакомились при этомъ, и женихъ столкнулся со своими родителями о томъ, чтобы выбрать молодую девушки, или вѣрѣ сказать, получить ее, въ жены. На самомъ дѣль, при заключеніи остицкаго брака важно решеніе родителей, а не желаніе жениха и невѣсты. Пожалуй, желаніе жениха еще принимается въ расчетъ: юношъ, подающему надежды, позволяетъ обратить взоръ на одну изъ девушки своего народа; но сватать ее оиль долженъ черезъ отца, если его условия совпадаютъ съ условіями будущаго тестя. Согласія девушки не спрашиваются уже по той причинѣ, что при обрученіи она еще слишкомъ мѣла, чтобы съ полнымъ разумѣніемъ решить вопросъ о своемъ будущемъ. И онъ будущий мужъ еще не достигъ четырнадцати лѣтъ, когда сватается ее, одна достигшую четырнадцати лѣтъ. Въ начинѣ слушать, обводяя ярмарочную дружбу значительно ускорила ходъ соглашенія. Сватъ бѣзъ дальнихъ словъ получитъ

согласіе; тогда начальствъ, нерѣдко весьма утомительные, переговоры, но, благодаря поджѣ, обыкновенно действующей, какъ злой демонъ, а на этотъ разъ способствовавшей дѣлу, они быстро приведены къ концу. Было условлено, что Сандоръ, молодой женихъ, въ видѣ брачной платы за Мамру, девочку-невѣсту, уплатить шестьдесятъ оленей, двадцать шкурокъ бѣлой и десять красной лисицы, кусокъ швѣтнаго сукна и различные медочки, кольца, пуговицы, бусы, головные платки и т. п. Это было мало, гораздо меньше, чѣмъ заплатить за свою жену не бѣлѣ богатый старина общины, Мамру: оиль заплатить полтораста оленей, шестьдесятъ шкурокъ бѣлой и двадцать красной лисицы, большой кусокъ сукна для платы, много головныхъ платковъ и обыкновенныхъ бездѣлокъ. Но тогда были лучшія времена, и Мамру могъ вышатъ имуществомъ стоимостью болѣе тысячи серебряныхъ рублей за свою видную и богатую жену, происходившую изъ хорошей семьи.

Условленная плата за невѣсту представлена; назначается свадьба. Въ чумъ отца невѣсты являются ея родные, приносятъ ей подарки и за это чтонибудь берутъ себѣ изъ выставленныхъ на показъ даровъ жениха. Невѣсту одѣваютъ въ праздничныя одежды, спаряжаютъ ее и спаряжаются сами для покажи чумъ жениха, или же его отца. Переть тѣмъ всѣ усилия до сыта наѣсться мяса только-что убитаго оленя, какъ у нихъ дѣлается всегда. Сегодня варили только нѣсколько рыбъ, пойманыхъ подо льдомъ; мясо убитаго оленя было скрыто, и какъ только одинъ олень начинѣ оставлять, другому напоминался смертельный ударъ. Невѣста плачетъ, какъ сѣдухъ невѣстъ, оставляющей родительский домъ, не хотѣть уѣхать изъ чума, къ которому выроста, и только послѣ уѣхшией и уѣхавшій соглашаютсяѣхать. Молитва передъ домашними идолами испрашивается благословенія Орта, всесного бога, знаменіе котораго, соринудъ, божественный огонь, то, что мы называемъ сѣвернымъ сѣніемъ, въ прошлую ночь показывалось на небѣ—красное, какъ кровь. Мать сопровождаетъ дочь-невѣсту, чтобы находиться около нея и оказывать ей помощь въ брачную ночь. Выѣхать съ дочерью она садится въ сани, всѣ приглашенные на свадьбу родственники садятся въ свои, и брачный поездъ движется съ праздничной пышностью, со звономъ колокольчиковъ, которые теперь привѣшаны у всѣхъ оленей къ самой богатой сбруѣ.

Въ чумѣ отца женихъ ожидаетъ невѣсту, которая передъ будущимъ скроять и десертыми сегодня, какъ и всегда, стыдливо закрывать лицо головнымъ платкомъ. Начинается новое пріестество, и только поздно ночью разѣжжаются гости, къ которымъ присоединяются и родные жениха. Однако на сѣдующий день мать оиять приводить молодую въ чумъ ся отца. Черезъ день являются всѣ родные жениха, чтобы вы требовать молодую. Оиять праздничнымъ весельемъ наполняются никакія стѣны хижинъ, послѣ чего молодая остается

всегда и съ того времени раздѣлять съ однѣмъ мужемъ или съ его родителями, братьями и сестрами, а поодинко, съ его второй женой, съ чумъ, куда се приходить и во второй разъ съ праздничной пышностью.

Сыновни бѣдныхъ людей платить за неѣсть, самое большее, десять оленей, а сыновья рыболововъ даже и того не платятъ; они доставляютъ только необходимыя принадлежности для устройства и спасенія чума и часто раздѣляютъ его съ другими семьями; опрочемъ и иль свадьба бываетъ днемъ торжества и радости, когда угощаютъ всѣхъ, на сколько позволяютъ скромныя средства.

У бѣдныхъ остиковъ бываетъ по одной женѣ; по богатымъ считаются привилегіей благосостоянія имѣть двухъ или трѣхъ жены. Однако первая жена сохраняетъ некоторая превышенія передъ другими, и постыдній кажутся скрѣпѣ ся служанками, чтобы равноправными съ иной женами. Ниче бываетъ только тогда, когда у неї иль дѣтей; бедность считается подоромъ для мужа, и жена, не имеющаи дѣтей, самое несчастное существо во всемъ чумѣ.

Родители гордятся своими дѣтьми и обращаются съ ними съ замѣчательной иѣжностью. Съ повышеніемъ счастьемъ во взглядѣ и движеньяхъ, молодая мать прислоняется своего перворожденного къ груди или кладетъ его на мягкий мохъ, въ красную колыбель изъ березовой коры, устланную внутри мелкими икошами и насѣбленными деревесными волосками; заботливо связывается она одѣяло съ обѣихъ сторонъ колыбели и тщательно окутывается шапою маленькой пестельки прикрытиемъ къ нему занавѣской отъ комарокъ; но си чистоплотность оставляетъ желать многаго. Пока ребѣнокъ еще маль и безимощенъ, она нестаки мостъ и чистить его, также какъ думаетъ, что то и другое необходимо; но когда она становится больна, она только однѣ рѣзъ въ день мостъ ему лицо и руки, употребляя одну горсть мелкихъ икошъ стружекъ въ видѣ губки, а другую, сухую, въ видѣ полотенца, и смотрѣть содершенно спокойно, когда маленькое существо, каждую минуту находящее случай переначкаться, доходитъ до почти немыслимой неопрятности. Только тогда, когда молодой остикъ можетъ уже обходиться собственными силами, для него кончается такое блестящее положеніе; однако онъ не всегда считается нужнымъ мыться посѣдѣ бѣды, если даже она состояла изъ окровавленного мяса. Дѣти съ такой-же иѣжностью и преданностью относятся къ родителямъ, какъ и тѣ къ нимъ; всегда съ привателльностью поспипаютъ имъ и подчиняются волѣ воспитателей. Уваженіе къ родителямъ есть первая и важнѣйшая запоѣдь остиковъ; почитаніе божества — уже вторая. Когда мы сопѣтовали Мамру, упомянутою стариннѣ обицію, учить его дѣтей русскому языку и русской грамотѣ, онъ возразилъ, что хорошо понимаетъ ползу такого обучения, но боится, что дѣти тогдѣ, покинутъ, перестанутъ почитать

отца и мать и изрушить важнѣйшую запоѣдь своей иѣры и, что по этой причинѣ онъ не можетъ рѣшиться послѣдовать нашему союзу. Всѣдѣстіе того, быть можетъ, ни одинъ остикъ, еще приверживающійся иѣры своихъ отцовъ, не выучивается ишему, крохѣ умѣнія изображать свой значекъ, имѣющій силу для него и для другого, черти его на бумагѣ и вырезавши на деревѣ или на оленинѣ искурѣ. И всѣако, будучи въ высшей степени довѣрии и способными человѣкомъ, онъ выучивается ишему, чому его учить, такъ скоро и лѣтко, что даже въ раннемъ возрастѣ, въ вакомъ его жестѣ, знаетъ все необходимое, чтобы основать и поддержать ходиство. Только въ дѣткахъ иѣра онъ повидимому легко отказывается отъ собственного сужденія и за иеногнія исключенія относится съ незаслуженнымъ почтѣмъ къ ишмуну, проигнорировавшему себѣ такія занія, которыхъ въ действительности онъ не имѣтъ.

Мы, съ своей стороны, изъ шаманѣ, который у остиковъ и у другихъ юнгольскихъ народностей Сибири имѣть притязаніе на подожженіе жрица, можемъ видѣть лишь простого обманщика. Кинескииша именъ аристократическаго братства, съ которыми мы встрѣтились, были креисианъ самобѣи, который тѣмъ не менѣе исполнить обязанности шамана среди остиковъ-язычниковъ. О томъ, что шаманъ, съ которыми мы изнакомились, по крайней мѣрѣ въ своей точкѣ зрѣлости, умелъ въ наѣшь вырученыхъ дѣлъ, я уже упоминалъ въ отчетѣ о своемъ путешествіи, а также и о томъ, что онъ имѣлъ предѣзданія, изобразеніе-же самого процесса этого предѣзданія я удержанъ для настоящаго сообщенія; эта картина изѣсъ должна войти въ свою рамку.

Потребованіе спиртнаго винка, матѣль удовольствовавшиеся обильнѣемъ подарка, шаманъ удалился въ чумѣ, дать понять, что онъ позвать вѣль, когда приготовленіи будуть окончены. Къ послѣднимъ принадлежали новидимому гаухіе удары барабана, которые мы слышали черезъ большоѣ промежутки времени; о другихъ подготовленіяхъ мы ничего не знали. Получивъ напѣщеніе, мы вошли въ чуму.

Все пространство хижинъ изъ березовой коры наполнено людьми, которые, прижавшиесь сколько возможно къ стѣнамъ, сидятъ другомъ; между остиками и самобѣдами, приведшими съ женами въ дѣти, находятся и русскіе также съ женами и потомствомъ. На половицѣ можноѣтъ, наѣфно отъ входа сидѣть Виды, шаманы; напротивъ отъ него сидѣть на землѣ на корточкахъ остикъ, бывший въ то время его ученикомъ. На Видѣ коричневое верхнее платье и кромѣ того грѣшная одежда, бывшии никогда блѣдо, скудно обшитая золотыми вышивками и походившая на галарь; въ этой рукѣ онъ держитъ маленький барабанъ, похожий на тахбуришъ, закрываючи себѣ лицо, а въ правой — барабанную палочку; голова его не покрыта, коротко остриженные волосы, только-что наущенные жиромъ, блестятъ

и сияет. Въ серединѣ чума горить огонь и бросасть, ярко искажи-
ть время до времени, рѣзкие отблески сиянія на нестросе обще-
ство, среди которого мы сидимъ на оставленный для насъ свободный
мѣстѣ. Трижды повторенный пронизжный крикъ, похожий на лѣсъ изъ-
сконочныхъ голосовъ и сопровождаемый ударами барабана, приветству-
етъ насъ при входѣ и обозначаетъ начало представлѣній.

— Для того, чтобы вы видѣли, что я человѣкъ правца, начинаясь
шаманъ, я покрою теперь дружественаго чинъ посланника небеснаго
святаго явиться среди насъ и сообщить мнѣ, что рѣшили боги нашесть
нашей судьбы. Со временемъ вы узнаете—правда ли то, что я сказалъ,
или нетъ.

Послѣ этого обращенія, переданного нашъ устами двухъ перво-
человѣкъ, любимецъ боговъ сталъ быстро колотить по талицѣ, или
лучше сказать, по оленій кожѣ своего барабана; удары съдовали съ
известными тактами, хотя и безъ опредѣленнаго числа, и сопровож-
дались пѣніемъ на замѣдлѣской ладѣ, напоминающей прѣдѣлъ речитатива,
произносимаго сквозь аубы; помощникъ шамана все время съ
точностью воспроизводилъ тѣ же звуки. Затѣмъ шаманъ поднимаетъ
барабанъ такъ, что все лицо его остается въ тѣни, и закрываетъ гла-
зи, чтобы ничего не отвлекало его отъ внутреннаго созерцанія; помощ-
никъ, напротивъ, курить и во время тѣни, какъ дѣлать это раньше,
и все также сопровождаетъ сплюну. Три пронизжные, выразительныя
удары заканчиваются барабанный бой и лѣсъ.

— Я упрощаю, съ достоинствомъ говорить шаманъ, Ямауда, вѣт-
чика неба, явившися между нами, но не могу определить, сколько
времени должно пройти, пока онъ, находясь можетъ быть далеко отъ
насъ, будетъ здесь на мѣстѣ.

И опять бѣть онъ въ барабанъ, постъ закончился и прерыва-
ется по прежнему лѣсъ и аккомпанементъ.

— Я вижу передъ собою двухъ царей; они пришли вънъ письмо,
говорить вѣтчика боговъ его устами.

Ямауль былъ такъ добръ, что явился въ чумѣ и исполнилъ жела-
ніе своего любимица. Теперь сѣдуютъ, постоянно сопровождаемыя изъ-
нѣхъ закинаний и ударами барабана, отрывочныя изречения вѣтчика
боговъ въ сѣкующемъ видѣ:

Еще разъ на будущее лѣто вы пройдете тѣль-же путь, какъ и въ
предыдущемъ году.

Тогда вы поѣдите вершину Урала, где начинаютъ свое течение
рѣки Уса, Ильерата и Щуки.

Во время этого путешествія съ вами что-то случится—дурное или
хорошее, я сказать не могу.

На Ильератѣ нельзя ничего добиться, потому что тамъ лѣтъ иль-
ера, и тальникъ; но лѣтъ можно все-что сѣкать.

«Вашему начальнику вы должны будете отдать отчетъ, оѣь раз-
смотрѣть его и останется доволенъ.

«Вы должны будете отѣчьать и передъ тремя старцами вашего
насѣніи; они также разсмотрѣть то, что вы написали, и назначить
вамъ лѣтъ на новое путешествіе.

«Теперь ваше путешествіе будетъ счастливо, пройдетъ бѣть вѣкой
бѣда, и мынъ вами вънъ найдете дома въ полюбъ блговодуцій.

«Когда русскіе, находившися теперь на Ильератѣ, скажутъ тоже,
что и вы, два царя наградить насъ.

«Я же вижу передъ собой болѣе широкое лицо».

Представление окончено; на горахъ Урала лежать послѣдній полу-
ночной отблескъ. Всѣ оставляютъ чуму; на лицахъ русскихъ видна та-
кая-же убѣжденность, какъ и на лицахъ остатковъ и самодѣль. Но мы
приглашаемъ шамана проводить насъ, съ помощью водки разыгравшую
живость ему и его помощнику и предлагаемъ имъ всячаго рода перекре-
стные вопросы, между прочимъ и самого говорнаго свойства. Выходитъ
то вѣдь безъ искалеченій, не скучаясь ни однѣмъ, бѣль промедленія, даже
не задумываясь; оѣь отѣчестъ убѣжденію и убѣжденію, иено и опро-
шенію, коротко и точно, такъ что мы съ мѣнѣмъ созидались, чѣмъ
прежде, можемъ признать, какого хитреца мы видимъ передъ собою.

Онъ разекаиваетъ насъ, какъ уже въ дѣтствѣ духъ побѣжалъ его
въ тѣхъ порь яучить, пока онъ не сдѣлалъ учениковъ шамана, какъ
онъ все болѣе и болѣе сближался съ Ямауломъ, посланникомъ боговъ,
который является къ нему въ видѣ дружелюбнаго человѣка, скакующимъ
на быстрой лошади съ изложкой въ руки; какъ Ямауль сибирякъ къ нему
на помощъ и, въ случаѣ нужды, присыпаетъ съ нему небесную силу,
когда ему, шаману, приходится бороться съ злыми демонами; иногда
несколько дней подъ рядъ; какъ вѣтчина богоръ всегда должна передавать
ему настоящія вѣсти съ неба, потому что висятъ все удары,
которыми извлекаются звуки изъ барабана, притягиваютъ ему жестокую
боль; какъ Ямауль и сегодня, видимый только ему одному, сидѣть
зади него въ чумѣ и напоминать ему въ уши слова, сказанныя намъ;
какъ онъ, шаманъ, посредствомъ своего искусства или рабою ему ми-
лости, можетъ узнавать скрытое, находить украденное, распознавать
бѣглаки, предвидѣть смерть или всадороженіе забѣгавшихъ, видѣть и
изгонять тѣни умершихъ, дѣлать много дурнаго и пристыживать многому дурному, хотя онъ дѣлаетъ только доброе изъ страха передъ не-
бесной силой. Онъ даетъ намъ подробную и ясную, хотя не совсѣмъ
ясную картину вѣрованій остатковъ и самодѣль; онъ уверяетъ, что
пѣсъ его современники, а также и остатки, посыпаютъ его во вѣкѣй
бѣдѣ, чтобы попросить сокта или узнать透过 него будущее, и безъ
малѣйшаго сомнѣнія донесрѣть ему и вѣрять въ него.

Послѣднее не совсѣмъ справедливо. Въ народѣ большинство модеръ

видеть въ шаманѣ знающаго члопка, даже посредника между людьми и божествомъ и быть-можетъ обладателемъ таинственнѣхъ силъ; но можно не върить его словамъ и действицъ, также какъ и другіе народы не върятъ словамъ жрецовъ. Настоящіи избра народъ—болѣе просты и не изъ другихъ народовъ: жрецъ наслѣдуетъ небо богами, сопѣтниками и служителями ихъ; народъ однако ничего не хочетъ знать о цѣлѣ этой небесной іерархіи.

Но его вѣрованіемъ, на себѣ наречуясь Оръ, имя котораго значить иѣто вродѣ «конецъ света». Оръ—весеній духъ, не имѣющій власти только надъ смертью, и благосклонно относится къ людимъ. Оръ—посылаетъ великое добро: оленей, рыбъ и пушныхъ звѣрей, избавляеть отъ зла и метить за ложь; оръ сердитъ только тогда, когда не исполняется данное ему обѣщаніе. Въ честь его спиральются праздники, ему приносятъ жертвы и молятся; о немъ думаетъ молитвой, стоя передъ идоломъ. Идолъ, называемый «лонгхумъ», можетъ быть вырубланный дерева или просто свернутымъ кускомъ сукна, камнемъ, мѣхомъ, или другимъ подобнымъ предметомъ, но оръ не обладаетъ никакой силой, не оказываетъ защиты; однѣмъ словомъ оръ—не фетишъ. Когда собираются передъ лонгхумомъ, его выносятъ изъ чума, ставить передъ нимъ блюдо съ рыбой или олениной мясомъ, или же какуюнибудь другую жертву, кладутъ передъ нимъ цѣнныя предметы, или же прятываютъ ихъ внутрь его,—но при этомъ всегда смотрятъ на небо и во время жертвоприношения, также, какъ и за молитвой, думаютъ о божествѣ. Злыя духи живутъ и на себѣ, и на землѣ, но Оръ можетъ уничтожить ихъ всѣхъ; только смерть спасаетъ его. Загробной жизни не бываетъ, также какъ и воскресенія умершихъ; по умершемъ послѣ смерти бродить по землѣ въ видѣ тѣни, и тѣни имѣтъ силу давать добро и зло.

Когда остыкъ умирастъ, оръ тотчасъ же начинаетъ вести жизньъ видѣ тѣни; поэтому въ его погребенію приступаютъ немедленно. Еще передъ смертью, около умирающаго собираются всѣ его друзья; какъ только оръ испуститъ послѣдній вздохъ, въ чумѣ, гдѣ лежитъ трупъ, зажигаютъ огонь, который поддерживается до перенесенія покойника на мѣсто его успокoisія. Призываются шаманы, который должны спросить у мертваго, на какомъ кладбищѣ толькъ желаетъ быть похороненнымъ? Для этой цѣли назначаютъ какое инбудь мѣсто и стараются приподнять голову трупа. Если покойникъ согласенъ, оръ позволяетъ приподнять себѣ голову; въ противномъ случаѣ, трое людей не могутъ этого сдѣлать. Тогда надо повторить вопросъ, пока покойный не изъявитъ согласія. Когда оно дано, посылаютъ опытныхъ людей на мѣсто для приготовленія могилы, такъ какъ подобная рабочая щигда требуетъ несколькихъ дней.

Кладбище всегда находится въ тундрѣ, на возвышенностяхъ яетахъ, обыкновенно на хребтахъ прилегающихъ холмовъ; гроба—болѣе или менѣе искусно скленные ящики, которые ставятся на землю. За недостаткомъ крѣпкихъ досокъ, для приготовленія ихъ, перекладываютъ лодку, и между половицами ея кладутъ трупъ; только очень близко

Погребеніе у остяковъ.

люди выкапываютъ неглубокую яму въ землѣ и зарываютъ въ нее покойника бѣлье гроба.

Тѣло умершаго не обмывается, но облекается въ праздничную одежду, и волосы его смазываются жиромъ; затѣмъ лицо его покрывается платкомъ. Все остальное платье послѣ него остается бѣльемъ.

До чужого мертвца не дотрогиваются руками, но любимаго родственника со слезами на глазахъ цѣлаютъ въ застывшее лицо.

На санихъ, въ лодкѣ, въ сопровождениіи всѣхъ собравшихся родственниковъ и друзей, тѣло перевозятъ на кладбище. Въ ящикѣ или въ гробѣ кладутъ оленю шкуру, на которой долженъ покончиться мертвецъ, въ головахъ и по бокамъ положены табакъ, трубка и все возможная утварь, какою покойный пользовался при жизни. Затѣмъ трупъ связываютъ веревками, несуть въ гробъ, укладываютъ на его ложе, въ постѣй разъ покрываютъ ему лицо и разстилаютъ надъ гробомъ кусокъ березовой коры, который у богатыхъ людей прежде украшался дорогими мѣхами и матеріями. На березовую кору накладываютъ настоящую крынку гроба или по крайней мѣрѣ плотно укладываются толстые обрубки дерева; надъ ними или подъ ними кладутъ предметы, не помѣшившіеся въ самому гробу, предварительно разломавъ ихъ или другимъ способомъ сбивая негодными, чтобъ по мѣрии осяковъ, превращасть ихъ въ тѣнь того, чѣмъ они были прежде.

Тѣль временемъ вблизи гроба зажигается огонь и убивается одицъ или иѣсколько оленей, мясо которыхъ провожатые бѣгутъ въ сырость и въ вареномъ видѣ. После погребальной трапезы головы убитыхъ оленей насыпаютъ на щесты, обертываютъ постѣи, или близъ стоянія деревья, сбруей этихъ животныхъ привѣшиваютъ колокольчики, которые были на нихъ сегодня, какъ и во всѣхъ торжественныхъ случаѣахъ, на верху крышки гроба, разламываютъ сани, разбрасываютъ обломки вблизи гроба и этимъ придаютъ ему постѣие украшеніе. Затѣмъ все отираются домой. Плачъ прекращается, и жизнь опять вступаетъ въ свои ежедневныя права.

Но во мракѣ ночи тѣнь умершаго, вооруженная своими орудіями, также превратившимися въ тѣни, начинаетъ таинственную жизнь. То, что дѣлать умерший, когда жить среди живыхъ, дѣлаетъ онъ и посѣть смерти. Невидимо для всѣхъ, настѣть онъ своихъ оленей, бѣгутъ въ чешуекъ по волнамъ родной рѣки, прикрѣпляясь къ ногамъ леси, сгрѣбаясь изъ лука, ставить сѣти, убиваетъ тѣни иѣогда существовавшей дичи, ловить тѣни бывшихъ рыбъ. Въ темнотѣ ночи входитъ онъ въ чумъ своей жены, своей семьи, причиняя оставшимся посѣть него добро или зло. Награда его заключается въ томъ, чтобы своимъ сплющеннымъ роднымъ оказывать благодѣяния, а наказаніе — быть, чтобы быть вынужденнымъ по состоянию вредить своимъ близкимъ.

Таковы основы вѣрованій осяковъ, называемыхъ язычниками и преизвращаемыхъ за это. Ошибаясь должно этихъ честныхъ людей съ чистой душой, можно пожелать только, чтобы они продолжали оставаться такими, каковы они теперь.

Поселенцы и ссыльные въ Сибири.

Кто видеть въ Сибири только громадную тюрьму, ошибается не мене того, кому эта страна представляется лишь въ виде пустынной ледяной пустыни. Правда, Россия ежегодно высылаетъ въ Сибирь тысячи преступниковъ или отбывающихъ наказание; все они, находясь въ пути, переходятъ изъ одной тюрьмы въ другую. Тѣ изъ нихъ, кому приходится испытывать тяжкія преступленія противъ жизни и собственности, бываютъ лишены свободы во все время своего пребыванія въ Сибири; но лишь небольшая часть преступниковъ втечееніе времени своей кары находится въ настоящемъ заточеніи; каждый можетъ однако спокойно испытывать смягчительные условия этого заточенія и даже оправдаться отъ него, т. е. пользоваться такими льготами, какихъ не существуетъ въ германскихъ исправительныхъ ломахъ и тюрьмахъ. Обширныя пространства громадной области, подвластной русской державѣ, самая большая страны, по нашемъ понятіямъ, никогда не служили истомъ ссылки и конечно никогда останутся навсегда отъ назидательно переселяемыхъ приселенцевъ, которые доставляютъ больше неудобствъ, чтобы не сказать бѣзпеки, осѣлому населенію, чмъ сами испытываютъ ихъ. Но тѣмъ-же путемъ, которые прежде были только путями скорби, направляются теперь на дальний Востокъ свободные люди, надѣющіеся на улучшеніе своего благосостоянія въ дальніхъ краяхъ. Къ вынужденнымъ переселенцамъ присоединяются добровольные, даже въ такихъ областяхъ и мѣстностяхъ, которыхъ долгое время поддавались исчезающей известности и виновали страхъ, какъ сущая погребальная страна земного шара. Новая эпоха начинается для Сибири на месте безотчетного страха, постепенно выступающаго проясненіе знаніе, даже въ такихъ слояхъ населения, которымъ первый встрѣтилъ второго.

Распространенія описания Сибири составляютъ по большей части устныя или письменныя произведенія образованыхъ ссыльныхъ, т. е. выходить отъ людей, которыхъ обѣтый сибирякъ называетъ «несчаст-

шими», относясь къ имъ соответственно этому взгляду. Подобная описанія не меньшинство случаевъ только исключены, въ большинстве же — это прямо пристрастны и недобросовѣстны. Честное гуманное слово и душу и мнѣніе безпристрастія, которое должно быть единственной основой всякой правдивой оценки избѣгнувшихъ условій. А послѣдніе лучше, не сравнивши лучше, чмъ предвидѣмъ, даже много лучше, чмъ въ некоторыхъ горныхъ странахъ Германіи, потому что въ Сибири борьба за существование, какую приходится вести человѣку, сравнительно легка. Нужно, чмъ больше способъ смыслъ этого слова, передѣстокъ необходимаго для питания и поддерганія жизни здесь почти никому неизвестны и поражаютъ лишь тѣхъ, у кого работалъ способность ослаблена болѣзнями или случайными несчастіями. Въ сравненіи съ судьбой, вынуждающей на долю многимъ бѣднымъ обитателей горныхъ странъ Германіи, мнѣнія чмъ всякой наложна выдѣлъ побѣдителями изъ тяжелой борьбы за кусокъ хлѣба, чисты мнѣнія преступниковъ, сосланныхъ въ Сибирь, во многихъ случаяхъ кажется заниженной. Нужно въ мнѣніи упираться въ настоящее время существенную, а не фантастическую сторону существования людей, живущихъ въ Сибири: кто корчится лишь отъ земли, тому она чистъ болѣе, чмъ ему нужно, а кто измѣняетъ этой землицѣ и избираетъ какую-либо другую распространенную тамъ деятельность, получаетъ отъ честной работы свободу рукъ такую же выгоду, какъ и отъ земли. Такова же настоящее время замороженная жизненная условія, если смотрѣть на нихъ безпристрастіемъ взг҃ядомъ.

Я добросовѣстно стремлюсь составить безпристрастное сужденіе объ условияхъ жизни людей въ тѣхъ частяхъ Сибири, которая мы проѣхали. Я опускался въ самую глубину бытнаго и поднимался на высоты счастія, не знающаго жаланій; чтобы подтвердить мои заключенія, расширить наблюденія, проявить выводы и испрашивать испѣрвымъ членъ, и вступать въ сношенія съ убийцами, грабителями, поджигателями, ворами, фальшивыми монетчиками, мошенниками и бродягами, волунтаторами и заговорщиками съ одной стороны, а съ другой — съ рыболовами и охотниками, пастухами и кайбачицами, куницами и речеслонниками, чиновниками и судьями, съ образоваными и необразованными, богатыми и бѣдными, господами и служащими, земельными и недовольными людьми. Я просить администраціи чиновниковъ сообщать мѣръ сѣльскія о судьбѣ ссыльныхъ и расширять смысла ссыльныхъ быть имъ участіи; я посыпать преступниковъ въ тюрьмахъ и наблюдать имъ на свободѣ; я вступать въ бесѣды съ крестьянами, ремесленниками и поселенцами всегда въ вселу, где это было возможно; съѣзжая, получаемыя отъ этихъ людей, и сравнивать съ сообщеніями правительстненыхъ чиновниковъ, и могу думать, что изъ столько добросовѣстно ознакомленіи съ этимъ предметомъ, на сколько это было

возможно при сжатости и краткости нашего путешествия. Во всякомъ случаѣ, я собралъ столько материала, что замѣреваешь дать здесь бѣглый очеркъ жизни ссыльныхъ въ Сибири, могу ограничиться моими собственными изслѣдованіями.

За исключеніемъ правительстvenныхъ чиновниковъ, солдатъ и прерѣмленныхъ ремесленниковъ и купцовъ, притокъ, получаемый Сибирью отъ Россіи, до 1861 года состоять лишь изъ подсевольныхъ переселенцевъ—государственныхъ крестьянъ, работавшихъ въ рудникахъ дворцового вѣдомства, и преступниковъ, извѣстная часть которыхъ посыпалась изъ казенныхъ рудниковъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, имѣвшимъ своимъ постигнѣніемъ болѣе глубокое преобразованіе общественныхъ условій, чѣмъ это думали и думаютъ еще теперь, притокъ первыхъ разомъ иссякъ. Миллионы людей получили свободу по одному слову своего кроткаго, великодушнаго государя; изъ нихъ тысячи оставили рудники и обратились къ плодородной землѣ, которую обрабатывали до тѣхъ поръ другое, принадлежащее къ тому же сословію; вслѣдствіе этого, рудники опустѣли, и теперь еще не вышли изъ такого положенія. Но большая казенная владѣнія въ Алтай получили тогда новый элементъ, до того времени отсутствовавшій здесь—то были свободные крестьяне; они не получали земли въ собственность, но могли безпрепятственно обрабатывать почву этой богатой страны, выѣтъ ся прежнихъ поселенцевъ. Уничтоженіе крѣпостного права измѣнило жизненные условия и въ тѣхъ мѣстностяхъ Сибири, которая до тѣхъ поръ населялась преимущественно преступниками, такъ какъ теперь и здесь явилась возможность образования свободнаго крестьянскаго сословія. Однако все еще не прекращающейся притокъ населения находить здесь скорѣе неблагопріятныя, чѣмъ благопріятныя условія, благодаря тому, что большая часть преступниковъ, которымъ отводится мякоть для поселенія изъ населенныхъ уже частяхъ страны, вноситъ беспокойный элементъ въ среду осѣдлыхъ обитателей. Это обстоятельство препятствуетъ такому процвѣтанію этихъ поселений, какое мы видимъ въ Алтайскихъ казенныхъ владѣніяхъ, оставшихся и остающихся павлѣнными отъ ссыльныхъ. Сюда, напротивъ, перемѣщаются въ настоящее время свободные переселенцы, и общий прогрессъ населенія здесь идетъ быстрѣе, чѣмъ въ остальной Сибири.

Алтайскій владѣнія, о которыхъ мы говоримъ—прекрасный участокъ земли, замѣительный и чистъ, что это самая обширная земельная собственность, какую где либо можно найти. Поверхность ея, круглымъ числомъ, равняется 400,000 квадратныхъ верстъ, или приблизительно, 8,000 географ. квадр. миль. Она заключаетъ въ себѣ горы и равнины, гористыя и холмистыя мѣстности; лежитъ среди судоходныхъ рекъ и прорѣзывается рѣками, которая безъ особыхъ усилий

могла бы быть обращена въ судоходную; содержитъ еще огромные, вышина лѣса и другія неиспользованныя богатства въ на землю, и подъ землю. Не менѣе 830 рудниковъ находятся въ предѣлахъ, по счтан 270 минеральныхъ месторожденій, которая до сихъ поръ не были изслѣдована. Въ Алтайскихъ владѣніяхъ приходитсяходить буквально по золоту и серебру; золотосодержащая серебряная руда, выѣтъ съ свинцомъ, мышью и желѣзомъ, проникаетъ горы въ видѣ живѣе однаково богатыхъ, но во всякомъ случаѣ заслуживающихъ разработки, а рѣки, вытекающія изъ горъ, несутъ золотой песокъ. Иласть каменогорного угля еще неопредѣленнаго распространенія, въ которомъ мѣстами установлена мощность отъ восьми до одинадцати аршинъ, проходитъ подъ столь значительную частью всего владѣнія, что, судя по составу горныхъ породъ, выступающихъ на поверхность, всю сѣверную часть этой области считаютъ принадлежащей одному каменоугольному бассейну. И все-таки величайшее богатство Алтайскихъ владѣній скрывается видѣть не въ его подземныхъ сокровищахъ, а въ турпомъ и плодородномъ черноземѣ, покрывающемъ горные скаты и равнины и достигающемъ толщина двухъ аршинъ въ рѣчныхъ долинахъ и низинахъ, куда онъ приносится водой. Прекрасная и отчасти величественная горная мѣстность чередуется здесь съ прелестными холмистыми мѣстами и слегка волнистыми равнинами, особенно удобными для сельскаго хозяйства; степная область смыкается плодородными низинами, пересѣкаемыми ручейками, рѣчками или рѣками; за лѣсами съ роскошно растущими высокими и широкими деревьями сидятъ пасажденія въ видѣ рощъ или парковъ. Климатъ здесь целикомъ мягкий, но отъ не слишкомъ суровъ и иногда не меньше усиленной обработки плодородной, но болѣе частище еще двинственной почвы. Годъ состоитъ изъ четырехъ мѣсяцевъ жаркаго, почти белобочаго лѣта, четырехъ мѣсяцевъ холодной ровной зимы, двухъ мѣсяцевъ сырой, испестованной весны и столькихъ же мѣсяцевъ такой же осени. Хотя средняя темпера тура лучшей половины года не достигаетъ температуры, какая нужна для выкарьванія инограда, но она достаточна для полнаго развитія и возврѣтанія хлѣбныхъ растеній сѣверной и средней Германіи; въ южныхъ частяхъ этой мѣстности средняя температура теплago времени года уже на столько значительна, что допускаетъ разведеніе дикіхъ.

Такова область, въ которой уже болѣе, чѣмъ два поколѣнія прошли поселеніемъ преступниковъ, и где въ настоящее время живутъ поселенцы, какихъ въ массѣ можно было бы пожелать всему остальному, не менѣе богатому и плодородному югу Сибири. Алтайскихъ землевладѣнцевъ нельзя сравнивать конечно съ германскими землемѣральцами, имѣющими наследственную собственность, но съ обыкновенными русскими крестьянами они могутъ поддержать некое сравненіе.

ие. Гляди на нихъ, понимаешь и чувствуешь, что отцы и дѣды ихъ были крѣвостными величайшаго и высочайшаго властителя имперіи, а не полурабами какого либо бесаильшаго владѣнца, требовавшаго безграничного навиновенія; при первомъ удобномъ случаѣ, легко уѣзжавшись, что отсутствие наслѣдственнаго землевладѣнія нисколько не мешаетъ имъ дѣлаться зажиточными, т. е. приобрѣтать болѣе, чѣмъ они потребляли и потребляютъ теперь.

Съ того времени, когда эта лѣбѣдность была объявлена собственностью Императорскаго Кабинета, участъ си обитателей стала сравнительно благопрѣятной, чтобы не сказать, счастливой. До уничтоженія крѣвостного права, все они неподвластно были обязаны работать при горныхъ промыслахъ или, по крайней мѣрѣ, удовлетворять ихъ потребностямъ. Всѣ переработавшіе въ рудникахъ занимались рубкой и обжиганіемъ лѣса на уголья, другое—подвозомъ угольевъ къ плавильнымъ печамъ, третья—перевозкой руды. Съ увеличеніемъ населеній, уменьшилась тяжесть обязательныхъ работъ. Въ пятидесятыхъ годахъ возможно уже было располагать такимъ обилиемъ силъ, что казенная работа ограничивалась лишь одинъ мѣсяцемъ въ году, хотя съ тѣмъ условиемъ, чтобы каждый работникъ непремѣнно являлся съ лошадью. Расстоянія, какія должны были проѣзжать конный работникъ, вычищались соображенію ихъ длины. Въ вознагражденіе за то время, какое работникъ проводилъ въ своего дома и двора, онъ получалъ $75\frac{1}{2}$ к. Но кроме этого вознагражденія, о которомъ почти не стоитъ упоминать, каждый рабочий имѣлъ право обрабатывать такое количество казенной земли, какое хотѣлъ, и рубить въ казенныхъ лѣсахъ такое количество лѣса, какое ему было нужно для постройки и отопленія, не уплачивая за это никакихъ повинностей. Число рабочихъ, какое должна была выставлять каждая деревня, опредѣлялось по числу душъ; раскладка казенной работы на отдельныхъ домохозяйства производилась членами самой общины.

Не такъ легка была работа при рудникахъ. Рудокоповъ брали изъ деревень и городовъ этой области имѣсто солдатъ, обращавшись съ ними, какъ съ солдатами, и отпускали ихъ лишь послѣ двадцатипятилѣтней службы. Они раздѣлялись на два разряда: настоящихъ рудокоповъ, работавшихъ привычными смигами, и горнорабочихъ, исполнявшихъ ежегодно определенныя, возложенные на нихъ обязанности, причемъ выборъ времени работы предоставлялся имъ самимъ. Послѣдніе служили въ качествѣ углящиковъ, дровосѣкъ, кирничниковъ, извозчиковъ и т. д. и получали за работу по 14 руб. въ годъ. Исполнить обязательная работы, они были свободны въченіи всего остатка того года и могли дѣлать все, что хотѣли. Рудокопы, напротивъ, должны были находиться при своемъ дѣлѣ цѣлый годъ. Одну недѣлю они работали днемъ, сѣлающиѳ—ночью, и двадцатичасовой смигъ

иѣ, и на третью недѣлю были свободны. Каждый рудокопъ для удовлетворенія своихъ потребностей, которая должна оплачиваться денежными, получать, по мѣрѣ своихъ способностей, отъ шести до двадцати рублей въ годъ и, кроме того, скромною два шута зуки для собственнаго пропитанія, столько же для жены и по одному пуду на

Алтайские рудокопы, возвращающиеся домой.

каждаго изъ дѣтей. Кому позволялось также обрабатывать землю и держать скотъ, на сколько онъ былъ въ силахъ. Станоиа его были обязаны между седьмымъ и двадцатымъ годомъ посѣщать школу; послѣ того до восемнадцатилѣтнаго возраста они работали въ качествѣ младшихъ рабочихъ, получая сперва по одному, а потомъ по два рубля въ годъ. Съ восемнадцатаго года начиналась уже ихъ служба въ рудникахъ.

19 февраля 1861 года изъ день освобожденія всѣхъ крѣвост-

ныхъ Российской имперіи, изъ казенныхъ владѣній изъ Алтай насчитывалось 145,639 душъ мужскаго пола, изъ которыхъ 25,267 были заняты работой въ рудникахъ и на заводахъ. Ихъ, въ другое были не въ одинъ день, а втечеіи двухъ лѣтъ, освобождены отъ своихъ прежнихъ обязанностей. Изъ нихъ 12,626 оставили горючие промыслы, вернулись въ родную деревню и стояли крестьянами; прочие остались въ качествѣ вольнопасенныхъ рабочихъ при горючомъ дѣлѣ.

Я, изърюю, не ошибусь, если выскажу, что жизненные условія, урегулировавшія изъ Алтай больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Западной Сибири, должны быть отнесены исключительно на счетъ условій предшествовавшаго времени. Родители и предки выѣхавшихъ обитателей казенныхъ владѣній, о которыхъ мы говоримъ, не смотря на отсутсвіе свободы, никогда не были угнетены. Они были крѣпостными, но господиномъ ихъ былъ Владыка необыкновенной страны, въ которой находились колыбели ихъ отцовъ. Они были обязаны работать на своего господина, и спасовъ ихъ итченіе почти цѣлой жизни находились на его службѣ, но этимъ господиномъ былъ Государь, почти равный божеству въ ихъ глазахъ. За это Государь ихъ корнилъ, освобождалъ отъ ненійствъ, лежавшихъ на другихъ подданныхъ, позволялъ имъ пользоваться на своей землѣ всѣмъ, что она могла дать, не въ какомъ отношеніи не препятствуя развитію ихъ благосостоянія, защищая ихъ всколько возможно отъ притесненій несправедливыхъ чиновниковъ и, кромѣ того, былъ благодѣтелью ихъ дѣтей, заставляя большинство ихъ поѣзжать школы. Чиновники, которымъ они были подчинены, значительно преоходили своимъ образованіемъ большую часть другихъ служащихъ; почти все они учились въ Германіи, многие изъ нихъ были даже иѣменскаго происхожденія и, если они не вѣршили иѣменскую культуру, то все-таки болѣе широкіе взгляды въ ту область, которой управляли именемъ Государя. До недавнаго времени Барнаулъ, главный городъ Алтайскаго округа, былъ центромъ образованности, подобного которому не было въ Сибири; въ первоѣ проівѣтвія тамошней горючаводской промышленности, онъ былъ бесспорно культурнымъ центромъ всей сибирской и средней Азіи, и съѣть, распросрѣдавшийся оттуда, съѣть тѣмъ ярче, что во всѣхъ горныхъ мѣстностяхъ находились пункты, отъ когдѣ сосредоточившись и оттуда разливавшись далѣ.

Такимъ образомъ, Алтайскій округъ занималъ особенно выгодное положеніе среди всѣхъ другихъ областей Сибири.

Быть можетъ, поощреніе крестьянскаго землѣдѣлія во всее не входило въ намѣреніе управленія округа; до упраздненія крѣпостного права, изъ землѣдѣлія выѣхали только необходимое подспорье для усѣхъ горючаго дѣла. Но времена измѣнились. Съ того дня, когда крѣпостные превратились въ свободныхъ людей, горючое дѣло настолько-же непрерывно шло изъѣздъ, на сколько поднималось землѣдѣліе. До сихъ поръ

еще не рѣшаются отказаться отъ старой рутини, и земѣдѣліе расширяется за это такими крупными суммами, что прибыль отъ горючихъ промысловъ стала крайне исчезающей. Разрывъ горючаводскаго дѣла энергичнѣйшимъ предпринимательствомъ, быть можетъ, единственное радикальное средство для улучшения настоящихъ условій, давно уже вѣжливъ предметомъ обсужденій, но реформа еще далека отъ осуществления на дѣлѣ; свободное пользованіе землей, на сколько это всее прописано хѣбоництво, наравна практикуется въ извѣстной степени пошло даже въ обычай. Въ действительности, крестьянское управление вѣжливъ съ каждой расплаханной десятиной земли, изъ вѣль зренія, сорѣвнѣ конфликѣ въ году, но это винчаніе совершаются безъ всѣніи строгости, и крестьянинъ, съ своей стороны, не чувствуетъ себѣ обязаннѣмъ съ точностью придерживаться этихъ правилъ. Обыкновенно каждый крестьянинъ обрабатываетъ столько земли, сколько можетъ, и выбираетъ себѣ такой участокъ, какой хочетъ.

Мы отдадимъ только должное выѣхавшему крестьянину Алтайскаго округа, если назовемъ его хорошо сложеннымъ, живымъ, ловкимъ, прокорнилъ, способнымъ, гостепримимъ, добродушнымъ и сердечнымъ человѣкомъ; мы скажемъ не единичью много, если поставимъ высокое его благосостояніе и вытекающее отсюда чувство собственного достоинства, даже извѣстное стремленіе къ свободѣ. Съ виду онъ кажется болѣе болѣнъ, чѣмъ привыкшемъ, чѣмъ русскіе крестьянины. Онъ вѣжливъ и предупредителенъ, покоренъ и легко подчиняется дисциплинѣ, но въ немъ вѣль иного рабского, иѣвѣноклоннаго и подобострастнаго, и поэтому онъ не проявляетъ искыходнаго интереса на чуждемъ. Однако и у него есть свойства, которая можно назвать «служаки» порою; эти свойства, имѣть съ иѣвѣноклоннаги другими, способны иѣвѣнко ослабить первое благородное впечатлѣніе. Не смотря на то, что онъ, сравнившись съ другими крестьянами Сибири, имѣть болѣе возможности получить образованіе, онъ вовсе не любитъ школы. Онъ крѣпко держится своихъ кѣра и готовъ отдать на церковь все, что имѣетъ; но изъ школьнѣ онъ имѣть такое учрежденіе, которое не просыпается, и портить поденъ. Онъ не забыть еще прежнихъ порядковъ, во многомъ неуважающихъ, и помнить еще старыхъ, отставныхъ солдатъ, которые при сѣ отцахъ держали въ своихъ рукахъ школьнѣе обученіе, не стѣсняясь посыпали выѣхавшихъ имъ учениковъ за поденъ и обращались съ ими съ неумѣнной строгостью. Поэтому онъ чрезвычайно непонѣрочно относится ко всему, что находится въ связи со школой; какъ и всѣ крестьяне, онъ приверженъ къ старинѣ, держится чиновъ, что его дѣлать можетъ быть только вредно, если они будутъ знать больше, чѣмъ онъ самъ, и не легко откажется отъ такого чиновъ. Всѣдѣніе этого его образовательный уровень весьма низокъ. Умѣніе писать еисъ вѣ-

Хоть очень редко и вообще считают книги за совершение поужиную вещь. Назанай умнажать онь, по большей части, не знаеть, по праздничные дни пересчитасть по пальцамъ. О немъ нельзѧ сказать, чтобы онь отличался умбренностю, но въ то же время онь доволенъ вѣять, что имѣть. Онь не желаетъ ничего сверхъ того, что ему нужно для жизни, и работаетъ лишь столько, сколько безусловно необходимо. Но, съ другой стороны, ни его усадьба, ни поле, которое онь называетъ споимъ, никогда не кажутся ему достаточно большими, и ни семья, ни скотъ, не представляются слишкомъ многочисленными.

— Какъ вы живете здѣсь? спросилъ я, съ помощью переводчика, старину одной общини.

— Богъ грѣхамъ терпить, услышать я въ отвѣтъ.
— Жены у васъ добрая, юрія и послушныя?
— Всікія бывають — и худыя, и хорошия.
— Дѣти вѣсть слушаются, радуютъ вѣсть?
— На нихъ нельзѧ памъ пожаловаться.
— А земля, которую вы обрабатываете, даетъ вамъ хорошие урожаи?

— Когда хлѣбъ рождается сажь-десять, тогда мы довольны.
— Скотъ у васъ хорошо ведется?
— Мы довольны.
— Сколько лошадей у тебя?
— Тридцать двѣ; могло бы быть и тридцать пять.
— Сколькихъ изъ нихъ ты употребляешь на свою работу?
— Восемь, десять, а то и двадцать.
— Значитъ остальныхъ ты держишь для продажи?
— Слыхается, какуюнибудь и продашь.
— А что жъ ты дѣлаешь съ остальными?
— Ничего.
— Сколько у тебя рогатаго скота и овецъ?
— Этого я не знаю; это ужъ двѣ моей жены.
— Много ли тебѣ приходится платить податей?
— Мы довольны.
— Можешь ли ты на чтонибудь пожаловаться?
— Мы совсѣмъ довольны.
— Значитъ, тебѣ не на что жаловаться и у тебя все хорошо?
— Иль не все; на одно-бы пожаловаться можно.
— На что же?
— Неудобно у насъ становиться.

— Неудобно? Что же это значитъ?
— То, что слишкомъ тѣсно для насъ.
— Тѣсно? Въ чёмъ-же?

— А въ томъ, что деревни повсюду растутъ, какъ грибы. Человекъ и помечается; не знаять, где распахать поле. Если-бы не старость, я бы ушелъ отсюда.

— Деревни растутъ какъ грибы? Гдѣ-же это? Я въ сиюмину не зналъ. Далеко-ли отъ тебя до ближайшей деревни?

— Пятнадцать верстъ.

Такъ говорить, такъ думаетъ, такъ судить крестьянинъ Алтайской окружѣ. Обширная страна для него недостаточно просторна, между тѣмъ какъ двадцатой части того, чѣмъ онь распоряжается по своему усмотрѣнію, было-бы достаточно для него, если-бы онь захотѣлъ ее обработать. Земля также плодородна, что воображаешь обильно каждыи, даже самый штожный трудъ. Если-же она когда-нибудь откажется въ своихъ дарахъ, если урожай, пропавъ ожиданія, окажется меньше обыкновенного и у крестьянинъ имѣетъ избытка нѣть, то нужда, онь сочтетъ ее не за естественное слѣдствіе своей лѣни, а за наказаніе Божіе, наказающе ему за грѣхи.

На самомъ-же дѣлѣ, не смотря на свои грѣхи и постигающія за нихъ кары, онь живеть хорошо, и его угнетать не нужда, а избытокъ. Правительство отводить каждому крестьянину пятнадцать десятинъ лучшей земли на каждую душу мужскаго пола его семьи, и притомъ еще по его собственному избору. Изъ несколькиихъ сотъ тысячи квадратныхъ верстъ Алтайского Императорскаго имѣнія до 1876 года только 234 тысячи имѣютъ населеніе, и поэтому каждый крестьянинъ пользуется большущимъ количествомъ земли, чѣмъ ему отведено и, во всякомъ случаѣ, не довольствуется тѣмъ, что ему принадлежитъ по праву. Въ пользованіи некоторыхъ семействъ находится не менѣе 1200, даже 1500 десятинъ, и да иныхъ имѣли безразлично — просиранили — необходимое для нихъ число лошадей, или-же двадцать, даже тридцатью больше. Въ действительности, первѣко слыхается, что излишнія домашняя животинка крестьянинъ Алтайского округа освобождаютъ его отъ тяжелой заботы обращать на деньги избытокъ своего богатства, такъ какъ это бываетъ невозможно, вслѣдствіе крайне неудобствъ въ построенныхъ путей сообщенія. Въ главномъ городѣ этой имѣнности, при обыкновенныхъ условіяхъ, пудъ ржаной муки стоять не боше двадцати, а пудъ ишеничной муки не болѣе тридцати пяти копѣекъ, пудъ роженаго мяса зимою — самое большее пятидесять копѣекъ.

овна—1 р. 60 к., только что отмытый от коровы чаленохъ 4 р.,
свина—3 р. 20 к. и отличают лошадь редко боле 40 рублей; по-
этому хороший урожай настолько воняетъ обильной избы-
токъ великаго добра превращается въ тягость. Когда крестьянинъ за
6 пудовъ хлѣба можетъ выручить немногими боле 40 рублей—то
избытокъ, тогда для него, привыкшаго работать лишь на столыкъ, на-
сколько это необходимо, избытокъ кажется слишкомъ тяжелымъ, и по-
слание ему побудитъ какъ будто становится паказаніемъ.

Эти условия, существующие до настоящего времени, объясняют большую часть и хорошихъ, и дурныхъ способностей нашего посетителя—его лень и его почти преступное довольство сиють положеніемъ, и въ то-же время его равнодушное отношение къ постигающимъ его потерямъ, его щедрость къ нуждающимся и сопутствіе къ несчастнымъ. Эти-же условия обусловливаютъ свойственное всѣмъ сибирякамъ стремленіе увеличить численность обитателей своего родного уѣзга. Обширная страна вѣноаждетъ людей, если такъ выразиться. Поэтому каждая сибирякъ смотритъ съ гордостью на многочисленную семью; поэтому же приезжъ изъ всей Сибири ищетъ ни одного воспитательного дома; онъ быль-бы безполезенъ. Каждая женщина, считающая себя не изъ слачъ прокормить рожденаго ею ребенка или желающая овободиться отъ него, всегда испытываетъ радостное желаніе принять къ себѣ маленькое существо. «Давай его сюда», говорить крестьянинъ бездушией матери; «давай сюда, я его выкормлю», и лицо его при этомъ не можетъ радости, чѣмъ тогда, когда у него рождается жеребенокъ. Въ прежнія времена, когда населеніе было еще гораздо менѣе, чѣмъ теперь, почти всегда женщины уѣхали, сдѣла только достигшихъ половой зрѣлости, чтобы скорѣе доставить имъ радости родительской любви и пріобрѣти новую рабочія руки; въ настоящее время парни живутся по большей части лишь съ наступлениемъ 18 года, по первѣко на девушки, которая старше ихъ и обѣщаютъ возможность скораго потомства; родители же своихъ смотрятъ благосклонно на такие браки.

Чтобы не отнять романтической стороны у такихъ браковъ, я
прибавлю, что похиненія молодыхъ явунашь цылкими юношами и
такимъ свадьба составляютъ первѣкое явленіе среди алтайскихъ
крестильщиковъ. Но эти похиненія проходятъ въ большинствѣ случаевъ
съ согласіемъ всѣхъ участниковъ, не исключая и родителей обѣихъ сто-
ропъ, и имаютъ цѣлью обойти обычное на свадьбахъ угощеніе всѣхъ
поселеній, правда простымъ столомъ, но большинствомъ, очень боль-
шимъ количествомъ водки. Нечего говорить о томъ, что любовь и ил-

Алтай преодолевает все препятствия, ибо особенности сопротивления родителяй. Алтайская девица, какъ и всякая другая на землюѣ ширь, легко уступаетъ юношѣ, стремящемуся похитить ее, и служитель первинъ, освящающей бракъ, отыскивается также легко за упомянутое вознагражденіе, но радуженные родители оказываются не столь мягкими. Мать преклоняетъ свою лопть, отецъ преклоняетъ своего сына; оба призываютъ небо свидѣть изъ смиреніемъ, что не пустить къ себѣ на гимна пепокорныхъ лѣтей,—и небо, подное милосердіемъ, все это терпитъ.

Это упорство поддается одноко передъ безпримѣрною волшебною средствомъ всѣхъ обитателей русской земли — водкой. Какъ только тѣсть согласился выпить, новобрачный выиграть уже свое дѣло, потому что имѣеть съ тестомъ ивѣтъ и теща, и сивушій пекарь быстро смягчаєтъ ихъ непреклонную сердца. Если же это время, какъ будто случайно, явится исконицъ друзей для содѣйствія приведенію на такихъ основаніяхъ, имъ не отказываются ють нѣкъ доль, такъ какъ стоимость угощенія, въ этомъ случаѣ, всегда исключительно мала, чѣмъ въ течѣ, когда чути не все населеніе деревни идетъ отъ коеи души за благополучіе вновь созидающейся пары. Кто будетъ отринуть послѣ того, что любовь дѣлаетъ находчивымъ даже алтайского деревенскаго парня?

Дѣвушка-невѣста въ этомъ случаѣ не получаетъ приданаго; сестра, напротивъ, даже требуетъ подарка отъ жениха и въ некоторыхъ случаяхъ вымогаетъ его чисто по бабинъ, съ шунтомъ, косынъ и кризами. Ищетъ противоположное происходитъ только при особыхъ обстоятельствахъ, когда праотечество совсѣмъ оказывается небезукорнишней. Тогда на другой день брака благородный и опытный лесникъ прибываетъ къ невѣстѣному волшебному средству, наставляетъ обозрѣвшее количество заранѣе принесенныхъ бутылокъ, обѣщаетъ разграженному или, по крайней мѣрѣ, смущенному зятю жеребенка, быка, иѣсколько поросатъ и т. д.; умы успокаиваются и миръ немедленно заключается.

Вирочить женіху не на что и сергтися. Съ другими случалось то-же самое, и время все сгладить поиногу. Счастье быть отцомъ возможно даже и при подобныхъ условіяхъ, и это счастье, во всякомъ случаѣ, остается. Домашнія заботы не угнетаютъ даже самую бѣшуну чету, если она не пропь работать; ей охотно помогаютъ то ткъмъ, то другимъ, и когда Богъ втечено пѣсколькихъ лѣтъ посыпать по синичкамъ обильные урожаи, когда цвѣта на хлѣбъ и скотъ удержаны на

достаточно высокомъ уровне, тогда павбрю чайникъ и чашки украшены угольный столъ, шелковое одыло — большую двухэтажную посуду, сияющія иконы — передний уголъ съ правой стороны, и великолѣбная изображенія охотъ за львами, тиграми, медведями, волками, леопардами, оленями, крокодилами — стены имѣющейся въ каждомъ крестьянскомъ домѣ, опрятно содержимой «чистой комнаты».

Домовитость, несомнѣнно отличающуюся отъ описанной выше, можно найти и у ссыльныхъ — у одного рано, у другого позже — если только они хотятъ достичнуть домовитости, живутъ тамъ достаточно времени и хотя иѣсколько пользуются удачей. Въ Сибири я усвоилъ себѣ другое взгляды на ссылку и на ссыльныхъ въ сравненіи съ тѣми возвращеніями, съ какими я вступилъ въ эту страну. Но прежде чѣмъ ихъ высказать, я считаю нужнымъ оговориться, что не принадлежу къ числу тѣхъ, которые относятся къ убийцѣ, разбойнику, поджигателю, пору и вообще ко всякому мошеннику съ болѣе темнымъ участіемъ, чѣмъ къ трудолюбивому отцу семейства, старающемуся въ поть лица честно воспитать свою, иногда многочисленную семью, и что я до сихъ порь не могу подняться на высоту возвращенія, стремящагося уменьшить всякое наказаніе, смягчить всякое заключеніе.

Ежегодно среднимъ числомъ около 15.000 человѣкъ «ссылается» изъ Россіи. Тяжкие преступники удаляются на всю жизнь, а менѣетяжкіе — на извѣстное число лѣтъ. Высказываться о суровости и недостаткахъ русского уголовного кодекса не входитъ въ мою задачу; но противъ суровости говорить уже то обстоятельство, что по этому кодексу смертную казнь караются лишь самыя тяжкіи и рѣдкіи изъ всѣхъ преступлений.

Осужденный къ ссылкѣ прежде всего преропождается изъ усадьбы тюрьмы въ губернскую и затѣмъ направляется по желѣзной дорогѣ или въ обыкновенныхъ крестьянскихъ телѣгахъ въ Нижний Новгородъ, Казань или Пермь. Я не знаю съ точностью, сковываются ли преступникъ одной двиной цѣнью по дюсе во время следования иѣшкомъ, заставляя ихъ, такимъ образомъ, нести цѣнь всю дорогу; я самъ этого никогда не видѣлъ, и твердо убѣжденъ, что известная всемъ доброта Николаеваго Государя не позволяла бы поддерживать этотъ старинный, кримскій способъ. Въ упомянутыхъ городахъ, а также въ Тюмени и Томскѣ, находятся обширная сборная тюрьмы; по дорогамъ, не заброшеннымъ всѣдѣствіе паралельно проведенныхъ рельсовыхъ путей, устроены просторные зданія для помѣщенія ссыльныхъ во время вояжа. Вездѣ, где только возможно, ихъ не заставляютъ плати-

тишкомъ, и веауть изъ мѣстъ назначенія изъ желѣзопорожныхъ вагонахъ, крестьянскихъ телѣгъ и на пароходахъ, совершающихъ правильные рейсы; такъ, изъ Нижнаго Новгорода или Казани ихъ переправляютъ на пароходахъ въ Пермь, изъ Тюмени на пароходахъ же по Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи до Томска. Тюрьмы — простыя, хотя достаточно опрятныя зданія, а устроены въ томъ же помѣщениіи, поѣто же время достаточно паодированные госпитали содержатся даже изъ образцового порядка. Рѣчная суда представляютъ собою необычайно длинная двухъэтажная барки, которая иѣшко можно назвать исполненными плодами кѣлтками, такъ какъ весь верхний этажъ по срединѣ надѣлъ налубой огороженъ решеткой, наподобіе птичьей клѣтки. Каждое изъ этихъ судовъ, буксируемое пароходомъ, доставляетъ необходимое помѣщеніе шести стаъ лицамъ и кроме того заключаетъ изъ себѣ большую кухню, лазаретъ и палаты для конюхъ и матросовъ. Между Пермью и Тюменью можно юздѣть вагоны, которые также походягъ на птицы клѣтки и служатъ для перевозки самыхъ опасныхъ преступниковъ.

Каждый ссыльный получаетъ отъ казны пафтанъ изъ трубы скраго сукна, на которомъ по срединѣ синца пишутъ четырехугольный кусокъ сукна того или другого цвета, смотря по тяжести наказанія, къ которому они присуждены. На продовольствіе въ дорогѣ каждому преступнику полагается ежедневно 10 копѣкъ, а «счастливымъ» присягнувшихъ сосланий — 15 коп.; при более продолжительномъ пребываніи въ тюрьмѣ первая сумма понижается до 7 коп. Эта сумма настолько достаточна, что при еѣолько и будь хозяйственномъ распоряженіи на эти деньги могутъ быть доставлены преступникамъ все необходимыя средства къ жизни, хотя следуетъ, за исключеніемъ постовъ, имъ отпускается по три четверти фунта мяса на каждого. Если ссыльного сопровождаютъ жена и дети, то имъ дается такая-же сумма на каждого. Посторонняя работа разрывается преступникамъ, и заработанная или выпрошеннная въ юздѣ милостыни деньги — хотя и не всегда цѣлкомъ — поступаютъ преступнику въ руки или въ роть, въ виде подки.

Я скажу, что каждый изъ преступниковъ имѣетъ возможность взять съ собой изъ ссылки жену и дѣтей, и долженъ прибавить, что такъ по большей части и бываетъ. Присужденіе сурской кирѣ за тяжкое преступліе служить и изъ Россіи походомъ къ родину; поэтому же каждаго ссыльного предоставляетъ склонять за мужемъ изъ ссылку или оставаться на родинѣ. Даже дѣти, достигшие четырнадцати-

другого возраста, могут быть сами—желая ли они отправиться со своими родителями въ Сибирь, или искать. Но правительство смотреть благородно, когда осужденного сопровождают жена и дети, некий способный согласиться этому и сердечно изобещающий попросить — на сколько для нихъ могутъ быть облегчены тягости и неудобства пути?

Человекъ отвергать того, что послѣдний, при всякихъ условиахъ, достовѣрно труденъ, но въ немъ не испытывается такихъ немыслимыхъ ужасовъ, какъ это обжалование преступлений. Только самые тяжкіе преступники доводятся до убѣза назначения въ юнихъ; проще поддается большей свободой, чѣмъ преступники въ Германіи. Всего лучше путешествие на пароходахъ или на буксируемыхъ или судахъ. Быть скучна въ ссыльныхъ и ихъ близкіхъ, въ тамъ можно видѣть сцену, не поддающуюся описанию, на которые способны только самые опасенные преступники. Удерзать ихъ изъ избѣгаемыхъ границахъ удастся лишь изъ исключительныхъ случаевъ; боязь хитрой воръ обманываетъ чѣмъ-то искуснаго изъ своей низорной профессіи; грабитель совершился наслѣдъ надъ слабымъ, отравилъ подошвы сапогъ у спящаго, чтобы найти тамъ спрятанные деньги; исправимый колеблется передъ раскапывающимъ или совершившимъ портить того, на исправление котораго можно было бы разрешить. Правда, во время пути мужская половина преступниковъ отѣбъна отъ женской, но члены семьи стоятъ около своего глаша, такъ что жена и дочери ссыльного не подвергаются опасности на пути, какъ ни стараются уничтожить это зло. Путешествие на пароходѣ облегчается только тѣмъ, что въ десять разъ сокращаетъ его продолжительность и только этимъ спасеть не совсѣмъ безнадежныхъ или неосужденныхъ ссыльныхъ изъ юнихъ вѣковъ. Переходить сухими путемъ тяжелѣ въ физическомъ отношеніи, по всѣмъ дѣйствуетъ чѣмъ-то уничтожающимъ образомъ на нее въ еще испорченныхъ преступниковъ. Русская крестьянская тѣла на русскихъ дорогахъ и съ русскими лошадьми, падѣвъ, где падежъ, несущимися вскачь, есть орудіе пытки, по нашему понятію, въ то же время простыхъ русскихъ людей, не привыкшихъ съюности съ лучшимъ окружениемъ и съ лучшимъ дорогамъ. Безъ сомнѣнія, когда изъ такой земли сидѣть отъ шести до восьми человѣкъ, ссыльныхъ приходится скинуться болѣе, чѣмъ крестьянину, будущему со своей семьей; однако явишись и сопровождающей солдатъ находятся не въ умѣньи положеній, чѣмъ ссыльный, за единственную исключеющій тѣккого преступника, цѣни котораго циркюляризуютъ при такой пыткѣ. Осужденный, проходящий изъ обрѣзанной семьи или ссыльной

жизни за политическое преступленіе, разумѣется, въсѧя страдать въ такого способа наказанія и, по своему исправленію обажденію, синѣть вполнѣ спрѣдѣливши изображать его въ самыхъ черныхъ краскахъ, но проиницавъ въ разсчетъ злостная уловка и распространенная пропаганда, что цивильное страшнѣніе должно быть избавлено отъ упрековъ изъ жестокости, скажи это первѣко вспомни. Что касается до переходовъ пѣшкомъ, то прежде всего они никогда не пропорчиваются звонко, обязательна только для прѣкѣнныхъ, способныхъ къ ходѣ мужчины, никогда не пропашаютъ пароха переть въ день и на третий сутки прерываютъ путь отъдѣльно изъ одной иль трехъ, лежащихъ на пути. Конвоирующие солдата также должны быть сплѣкомъ, постоянно склонъ за преступниками, сидѣть за парохъ, и пытать свою силу еще больше, чѣмъ послѣдне; если убийца всѣго изъ себѣ свои виновны, то солдатъ несетъ свое оружіе, свой ранецъ и патроны. Между тѣмъ онъ — изобрѣтатель слуги государства, а первыи — отверженецъ общества.

Настоящей исправленностью можно считать лишь то, что ссыльный привилегированного прохожденія, осужденный за преступление общаго характера, если онъ можетъ расплатить своимъ или стороннѣми средствами, подвергается иному обращенію, чѣмъ преступникъ, отбывающій наказаніе за то-же преступленіе въ именіи, первому разрешаютъ отицвѣтиться изъ убѣзу ссыльки изъ сопровождениіи двоихъ пѣшихъ, путевые расходы которыхъ онъ оплачиваетъ изъ оба конца, совершая путь по собственному усмотрѣнію и со всеми удобствами.

Точно также ни одинъ безпрестрастный человѣкъ изъ русскихъ или сибиряковъ, признающій упомянутую исправленность, не будетъ отрицать слушаюсь жестокаго обращенія со стороны команы, которою порученъ парохъ за преступниками высшаго и низшаго класса. Слышится, что преступники, измутившися во время пути, погибаютъ подъ выстрѣлами и никогда лишаются возможности привести какой либо предъ, и такія пропасти бываютъ прѣмѣнено рѣдко и приводятъ къ числу дѣйствъ, вымыслимыхъ необходимостью и употребляемыхъ только тогда, когда все пропасть осталась безусыпными. Русскій не обладаетъ жестокостью пещера, турка, грека или южнаго славянинъ; иль должно понимать чувство милосердія и равнодушія съ скорбѣ смиреніемъ чѣмъ и синеходительнѣ, чѣмъ строгъ и суровъ; иногда онъ сурово обращается съ людьми и животными, но никогда не жечь наль съѣло пасаждаться имъ мученіями. Уже изъ названія «пестрина», какое называется между всеми ссыльными, выражается глубокое нарекненіе тур

ство; съ этимъ чувствомъ милосердія сообразуется каждый, не исключая солдата и полицейского чиновника, тюремного смотрителя и сторожа. Легко понять, что одинъ или несколько исправимыхъ людѣвъ могутъ заставить иногда ангельское терпѣніе превратиться въ яростное разраженіе. Случалось, какъ жаловался мѣръ одинъ бывшій полскій «жидарчъ-вѣщатель», что постыдно постыдного возмущенія, осужденные на ссылку, вѣрѣвали со стороны конвой болѣе сурово, безпощадное отношеніе, чѣмъ другое ссылыніе. Но за всѣ подобная крайность возлагать ответственность на правительство, какъ это и теперь постоянно дѣлается, упрекать его въ непрекращающихся жестокостяхъ, говорить непрерывно о виутѣ, давно уже отмѣненномъ, выставлять на нихъ восточныхъ ссыльныхъ, какъ исправимыхъ варваровъ—бесчеловечно и несправедливо во всѣхъ отношеніяхъ.

Всѣ поѣзжіе законы, указы и постановленія существуютъ о томъ, что правительство заботится въ самомъ доброжелательномъ смыслѣ о судьбѣ ссылыній и стремится по возможности облегчить ихъ участъ, помогая улучшить ее раніе или позже. Исправляемая суровость въ обращеніи съ ссылыніями строго запрещается и тѣжко наказывается; какое либо неправильное вымогательство отъ ссылыній считается тѣжкимъ преступленіемъ. Новоду и безусловно господствууетъ стремленіе смягчать кару, если это можетъ быть допущено, и возвращать наказанія человѣческому обществу, если это возможно. Но поютъ только тому, кто этого заслуживаетъ, а потому, кто притворяется исправившимся. Сибирь не воспитываетъ лицемѣровъ, подобно измѣдливымъ тюремамъ. Русскіе не знаютъ слишкомъ часто замѣчаемаго у насъ възмутительнаго стремленія развивать въ преступникахъ ханжество; въ глазахъ русскихъ считается естественнымъ, что каждый почитаетъ церковь и святыхъ, постится въ установленное время и вообще исполняетъ вѣрѣнія требованій церкви. Поэтому они относятся къ злу именно такъ, какъ сѣдѣтъ, и съ этой стороны мы можемъ или, вѣриѣ, должны имъ завидовать.

Надъ 15,000 ссылыній ежегодно менѣе тысячи поступаютъ въ рудники, остальные распредѣляются по различнымъ губерніямъ, или, какъ быковеніо говорятъ, отправляются на поселеніе. Въ болѣе обширныхъ тюремахъ отѣлываются другъ отъ друга не только мужчины и женщины, но и христіане, магометане и евреи; при поселеніи евреи, конечно также принимаются во вниманіе. Какъ скоро преступникъ, приговоренный къ болѣе легкому наказанію, прибудетъ въ назначеннѣе ему место, онъ получаетъ отъ правительства паспортъ и можетъ послѣ

того безпрепятственно заниматься всякимъ законнымъ ремесломъ, но безъ нанесенія начальства не долженъ покидать назначенного для его жительства округа и даже селенія въ такомъ образѣ находиться постоянно подъ полицейскимъ надзоромъ. О причинѣ ссылки, объ его прежней жизни никто, не крайней мѣрѣ съ дурными намѣрѣніи, не разсказываетъ ею, такъ какъ «изъ дома поѣзжаго не говорить о деревѣ». Населеніе, среди которого онъ живетъ, тоже привыкалось никогда или привыкается и теперь къ «несчастнымъ», или же происходит отъ нихъ; а немногие свободные поселенцы привыкаютъ къ правамъ и обязанностямъ прочихъ сибиряковъ. «Несчастнымъ» помогаютъ всемъ законными способами. Уже въ сборищахъ тюремахъ устроены мастерски, чтобы дать возможность заработка привлекающимъ и трудолюбивымъ ссылыніямъ; кроме того стараются переделывать шкотъ, предотвратить порту ящаго побоянія, а о сиротахъ, оставшихся после преступника, заботятся, не имѣя ни времени, ни денегъ, въ частности искренне и человѣчно, что не видѣть этихъ сибиряковъ сторонъ можно только съ предвѣтнымъ намѣрѣніемъ, а не говорить о нихъ можетъ лишь тотъ, кто злостно желаетъ излечить. Въ Тюменской тюрьмѣ мы посѣтили тюремную школу, въ которой юлодой священникъ обучалъ дѣтей христіанъ, евреевъ и татаръ; его добре молодое лицо съ длинными шающими волосами и бородой напоминало изображеніе Христа. Правда, еврейскіе и татарскіе мальчики должны были, также какъ и дѣти христіанъ, читать и пересказывать катехизисъ православной церкви, и гайная надежда обратить въ христіанство того или другого или изобрѣтать могла жить въ сердцѣ священника, но какой же предъ катехизисъ или священникъ могли привести, въ виду достигшейся полноты! Мальчики имѣлись съ катехизисомъ учиться читать по русски и, кроме того, учились считать и писать; это было несказанно важнѣе. Въ той-же Тюменѣ посѣтили мы сиротский приютъ, основанный, выстроенный, всѣго болѣе поддерживаемый въ руководствѣ одной богатой женщиной; онъ предназначался для дѣтей ссылыній, умершихъ въ дорогѣ или въ тюрьмѣ этого города, и былъ обрамленъ въ самомъ обширѣ смыслѣ этого слова. Мы видѣли тамъ веселая дѣтскія лица, прекрасная классная комната и спальни, мастерская, изощренки для игръ, мальчишескій театръ со всѣми принадлежностями, и познакомились даже съ благотворителемъ дѣтей, которому никто не отказалъ бы въ самомъ полномъ уваженіи. Но мы должны были узнать и много болѣе того.

Въ Тюменѣ, въ Омскѣ, въ Тобольскѣ, и притомъ не только въ го-

риахъ, но и въ двухъ послѣдніхъ губерніяхъ мы нѣдѣлѣ жили и постоянно обращались съ сыльными, преимущественно съ осужденными за болѣе легкія преступленія — съ ворами, обманщиками, мошенниками и брачами, а также съ польскими повстанцами. Директоръ банка, неоднократно привлекавшій нась, былъ польской повстанцемъ, присуждены къ дѣлающимъ всевозможныя схемы; столяръ, погонявший нась, якобы, ограбилъ почту; ямщикъ, который нась вѣзъ, отбывалъ наказаніе за горючество со взломомъ; лакей, прислуживавшій нась, обокралъ всевозможнѣе гостиницѣ; добродушный рижскій уроженецъ, оказавшійся наѣзжимъ на высшей степени обвиняемымъ при переправѣ черезъ Прону, подѣлать документы; Гольдмахеръ, евреи, находившийся при немъ въ Обдорскѣ, продававъ русскихъ дѣвушекъ изъ турецкихъ гаремъ; служанка, убравшая нась изъ комнаты, убила своего ребенка; зекаръ въ Омскѣ, какъ говорили, не безъ основанія обвинялся въ отъяченіи, и т. д. Ноѣдь конецъ, при видѣ каждого человѣка, мы старались угадать, какой проступокъ оінь могъ совершить, и нась доставляло спасительство у полиціймайстера о томъ или другомъ изъ почтовыхъ лицъ, въ томъ числѣ о купцахъ, потарусахъ, фотографахъ, китчарахъ, чтобы услышать о подѣлкахъ монеты, растратахъ, обманахъ и т. д. И тѣль не менѣе, кѣи эти люди зарабатывали свой наасущный хѣбъ, и многихъ, не желавшихъ говорить о томъ, нельзя было безжалостно разспрашивать о ихъ прошломъ, потому что они совершили проказы съ нась.

Все это возможно для ссыльного, для бывшаго преступника, лишь тому, что его начальство и сограждане поддерживаютъ ить немъ по чести. Честная наумѣренія начать новую жизнь. Тому, кто просить рѣши, жить съ безъ недовѣрія, безъ всякой боязни беруть его въ услуженіе, подижаются прежнимъ воромъ въ качествѣ слуги, кучера, кита, злоубийцы — въ качествѣ птицы, и всякий ремесленникъ, обнаруживъ наказаніе — сообразно его ремеслу. И, какъ увѣряютъ, живя въ этомъ приходится лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Такъ образомъ, многие преступники незамѣтно возвращаются въ человѣческое общество, становятся нисколько не опасными гражданами, и браки за грѣхи не лежатъ не только на четвертомъ, но и на второмъ поколеніи. То, что у насъ считается недостижимымъ, а именно вернуть преступника въ честнаго человѣка, въ Сибири придается возможнымъ. Ни одинъ сибирянъ не будетъ отрицать, что не разъ такъ бываетъ, что и въ Россіи, также какъ и въ другихъ странахъ, существуютъ исправимые преступники, но исправки до-

стоитъ помнить фактъ, что борьба, отбивающая свой общины, то, Сибири чаше становится преступницомъ, чѣмъ исправимый преступникъ, имающій въ прескіе грѣхи.

Между тѣмъ, какъ разсмотрѣніемъ наимѣнѣе гадательныхъ можетъ быть все, что захочешь, въ предѣлахъ должностного, тяжкіе преступники пруждены работать въ рудникахъ. Относительно Верхнѣго Верхнѣка, где работаютъ четыреста изъ всевозможныхъ, почти не уменьшаюсь и не увеличиваюсь каждыи въ числѣ, я собралъ отъ управляющаго начальство, находомъ, генерала Ф. Эйхмана, самая точная съѣдѣнія о преступникахъ и увидалъ, въ трактире наѣзжимъ нась, съѣдѣніе.

Всѣ ссыльные, присужденные къ работе въ рудникахъ, даются изъ пожизненныхъ и должны въ этихъ окопахъ пропрастиТЬ же работу, какъ и другое, свободные горноработы. Радужный стояртель, подъ надзоромъ котораго они находятся, обращается съ ими хорошо, чтобы тѣль обезпечить жизнь свою и свою семью; оінь не располагаетъ такими силами, какія необходимы, чтобы подчинить разумѣніе, если оно испытаетъ между преступниками. Оінь знаетъ преступление каждого изъ обвиняющихъ показание, и потому не спрашиваетъ у кого обѣ его прошлютъ. Черезъ болѣе или менѣе продолжительное время большая часть преступниковъ добровольно открывается ему свою душу и просятъ о смягченіи наказанія. Тогда имъ позволяется пить при себѣ съюю, или завести се вино. Если преступникъ обнаруживаетъ, такимъ образомъ, свою связь съ человѣческимъ обществомъ, у него весьма часто является раскаяніе, затѣмъ надежда, а еще дальше стремленіе заставить забыть стѣлловое наѣзжимъ. Оінь работаетъ годъ, два года и цвѧтихъ, ведетъ себѣ хорошо и побуждаетъ докѣрѣ къ себѣ. Его начальникъ разрѣшаетъ снять съ него иѣни. Оінь продолжаетъ служить вѣрою своему начальству, продолжаетъ работать въ вѣрою начальства, заботясь о своей семье. Постѣдняя призываетъ его къ чужбинѣ, спирая каменившейся ему наказанію ужасной; Сибирь оказывается лучше, чѣмъ оінь слышалъ о ней, и оінь становится дополнительна ею. Тогда наступаетъ настоящій моментъ возвращать его обществу. Начальство назначаетъ его на поселеніе. Годы прошли со временемъ его дурнаго дѣянія; оінь уже кажется ему какимъ-то тяжелымъ сномъ. Переѣхъ собой идти отъ родины и привыкнуть къ чужбинѣ, позади себѣ — цвѣти. Оінь отыскать отъ родины и привыкнуть къ чужбинѣ. Оінь становится крестьяниномъ, работаетъ, приобрѣаетъ и упираетъ уже исправившимся человѣкомъ. Съ этой минуты оканчивается несвободное положеніе его дѣй, и въ качествѣ свободныхъ гражданъ Сибири онъ

обращаются потому участок земли, подаренный имъ правительстvомъ. Все это—не выдумка, а действительность.

По кончю, не всякий преступникъ мирится съ своей судьбой. Несмотря на нее и на все человечество, недовольный всѣмъ и всѣми, разражаемый своей работой, мучимый, быть можетъ, тоской по родинѣ, или, по крайней мѣрѣ, жаждущий свободы, онъ сближается съ другимъ, подобиающимъ ему, и оба или этикое помышляютъ о бѣгствѣ. Всемѣнѣе пѣдикъ, явленецъ, годясь подстерегаютъ они благоприятную улову; одинъ разсказываетъ другому съ величайшою точностью, повторяя множество разъ, исторію своей жизни, описываетъ ему до мельчайшихъ подробностей родную деревню, родную сторону, домъ, где прошло его детство, называетъ ему имена своихъ родныхъ, крестильщицъ, деревень и сосѣднихъ деревень, ближайшіе города, не забывая ничего и стараясь, чтобы все это глубоко запечатлѣлось въ памяти другого; онъ хочетъ обмыкнутьсь съ нимъ именемъ и мѣстомъ прохожденія, для того чтобы затруднить разыскъ, въ случаѣ если они попадутся въ руки полиціи. Другой власть то же самое. Кузнецъ подкупается, привлекается на ихъ сторону и подговаривается къ бѣгству съ нимъ; въ крайнемъ случаѣ отыскивается и похищается орудіе, необходимое для того, чтобы разбить окна. Весна стала совершившимся фактомъ, день побѣга наступилъ; самое бѣгство, возможность скрыться есть, чтобы отсутствие осталось не замѣченнымъ втченіе несколькиx часовъ, при существующихъ въ рудникахъ порядкахъ, вовсе нетрудно. Такъ только бѣглецы достигли лѣсост., они не рискуютъ быть пойманы, хотя и не застрахованы отъ всякой опасности. Мѣстному тунгушу или акуту, который, охотясь, проходитъ черезъ лѣса, шуба, лукъ, чѣль у него, можетъ показаться соблазнительной, и его мягкая шуба, ради этой шубы, прекращаетъ человѣческую жизнь безъ всякаго уразумія совѣсти. Помимо такихъ встрѣчъ бѣглеца не задерживаютъ ни никакія препятствія. Каждый сибирякъ изъ врожденного добродушия или дожно направлennаго милосердія, а быть можетъ также съ страху или отъ лѣни, скорѣе помогаетъ бѣглому, чѣмъ старается помешать его предпріятію. Во вѣхъ или, по крайней мѣрѣ, во мнози деревняхъ, лежащихъ на большой дорогѣ, крестьяне поочередно чистятъ большой горшокъ молока, толстый ломоть хлѣба, а иногда кусокъ мяса за открытымъ окномъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы спасти пищѣй бѣглыхъ, проходящихъ черезъ деревню почью, и этимъ избавить ихъ отъ воровства. Пока бѣглецъ беретъ только то, чтѣму предлагается добровольно, пока онъ выпрашиваетъ для себя Христова

ради и поддерживается отъ всякаго несправедливаго захвата, не воруетъ и не грабитъ, даже и старшина общины смотрятъ сквозь пальцы на несчастныхъ людей, проходящихъ почью по деревнѣ, присоединяющихся себѣ, пищу, назначенную для счастливыхъ, ищущихъ и находящихъ для себя почтеть въ вытопленныхъ, всегда отѣкнѣхъ стоящихъ баняхъ.

Бѣгство семьянинъ.

Даже если «несчастный» будетъ просить участию среди благороднаго, то и тогда его никто не выдастъ, и если тѣхъ-же «несчастный» попросить конскую уду, ему не откажутъ въ ней, когда есть лишняя. Всѣ знаютъ, для чего ему нужна уда. Задеревней насутся лошади безъ всякаго надора, не смотря на волковъ и медведей. Къ немъ отправляется бѣглый, набрасываясь уду на голову здоровому жеребцу, вскакиваетъ на его широкую спину и спокойно укладываетъ на неѣ.

— Николай Александровичъ сообщаетъ кто-нибудь хозяину до-

тили—«счастливъ»—сейчасъ только ускакать на твоемъ порою; отъ побхадъ по дорогѣ въ Романовскую—догнать его, что ли?

— Ничего, отыкается Николай: ломадка назадъ приблизить. Это, разжно быть, «счастливъ». Пусть себѣ щастъ.

Ломадка непремѣнно покирапається назадъ; на шагахъ, позади Романовской, «счастливъ» перекинуть ее на другую и щастъ на той дальнѣ.

Бакинъ образумъ поддерживаемые и поощряемые, движесто ит. ста бѣглецовъ достигаютъ до Тюмени. Если бы они были больше сидѣющими людьми, имѣли понятіе о географіи и не попадали бы постоянно на ту же дорогу, по которой пришли изъ Россіи, они, если не въ большинствѣ, то во множествѣ слушають, достигали бы своей цѣли. Но изъ Тюмени, Иерусалима и Казани перекинувшись почти всѣхъ бѣглецовъ, если обузыянійся съ другимъ своимъ именемъ не выходить изъ своей рабыниже на каждый предлагаемый ему вопросъ отказывается только, что онъ ничего не знаетъ, то ни обмыть имени, ни упорное запирательство не спасаетъ его отъ судебнаго приговора, присуждающаго его явитьъ ссыльку въ Сибирь и къ тѣлесному наказанію, какое назначается всякому нойманскому бѣглецу. Отъ ю второй разъ отирается по той-же дорогѣ, по какой уже прошелъ въ качествѣ преступника изъ того, чтобы быть можетъ, вскорѣ по прибытии на мѣсто назначения, сдѣлать новую попытку къ бѣгству. Многимъ ссыльнымъ, какъ разъ рассказывали, приходилось пять или шесть разъ совершить икое невольное страшествованіе черезъ болыную часть Сибири.

Скорѣе чѣмъ такимъ исправимымъ бѣглецамъ,—приходится защищать свой жизненный путь чѣмъ изъ бѣглыхъ, которые дорогой и хотутъ устоять передъ соблазномъ что либо украдеть или совершить такое шбудь другое преступленіе. Въ такомъ случаѣ равнодушіе честякъ-поселенцевъ превращается въ мстительное озлобленіе. Для представленія преступника соединяются все дома хозяина, и гибель его неизбежна, если особый случай не спасетъ его. Если же онъ попадется, то не можетъ избавить его отъ мучительной смерти. Затѣмъ находить трупъ, на которомъ нельзя замѣтить признаковъ насильственной смерти. Трупъ хоронятъ, о находкеніи и погребеніи его доносятъ, какъ следуетъ начальству, которое уведомляется о томъ губернатора, а поѣхавшій — генералъ-губернатора; между тѣмъ преступникъ, павший жертвой народнаго озлобленія, успѣваетъ обратиться въ прахъ, прежде чѣмъ окружной врачъ прїедетъ на мѣсто, если только онъ захочетъ прѣхать. Кто послужилъ жертвой мести—никто не знаетъ. Такъ, бѣгъ и распоряженія правительства, и въ настоящее время иногда вспаиваютъ ссыльныхъ, о постыдней концѣ которыхъ никто ничего не можетъ сообщить, о которыхъ никакое начальство не можетъ дать сѣвѣй. Впрочемъ, каждый ссыльный, попадающий въ Сибирь, знаетъ,

что предстоитъ ему, если онъ то качествѣ былое украдеть или совершить какоенибудь преступленіе. Поэтому здесь, среди тысячъ преступниковъ, живущихъ въ большей безопасности, чѣмъ где либо въ другомъ месте — быть можетъ безопаснѣе, чѣмъ въ нашумъ большихъ городахъ, зараженныхъ отбросами человѣчества.

Я стараюсь дать кѣрное изображеніе мѣстныхъ условий, каковы они въ настоящее время или каковы они были въ 1876 году. Въ мои памѣрия не входило что-либо смягчать или ишатъ. Ссылка въ Сибирь была и будетъ наказаніемъ, тѣжелымъ наказаніемъ. Оно поражаетъ тѣмъ больше, чѣмъ ссыльный образованіе, и въ глазахъ образованыхъ людей всегда будетъ казаться ужаснымъ. О справедливости такого принципа можно спорить, но нельзя его вполнѣ отвергнуть. Однако обѣ участія ссыльныхъ въ Сибири можно тогда лишь составить правильное понятіе, если сравнять ее съ участіемъ иныхъ преступниковъ.

Что дѣлается съ несчастными, наполняющими германскія тюрьмы? Что дѣлается съ ихъ семьями, ихъ женами и ихъ дѣтьми? Какая участіе ждетъ того, кто отбылъ свое наказаніе; какая судьба можетъ предстоять ему?

Отвѣтить на эти вопросы можетъ каждый, знакомый съ германскими карательными учрежденіями.

При безпристрастномъ и правдивомъ сужденіи судьба иныхъ преступниковъ, постоянно угрожающей имъ, и участія ссыльныхъ въ Сибири, мы придемъ только къ одному результату: каждый истиный другъ человѣчества долженъ принять къ чесму жестью, какое пріходило мѣхъ въ голову на дальнемъ Востокѣ и потому не оставало меня:

«Если бы у насъ была Сибирь, то это было бы лучше и для нашихъ преступниковъ, и для насъ самихъ».